

Конан
и цепь
своротня

КОНАН
И ЦЕПЬ
СВОРОТНЯ

Annotation

О новых приключениях неугомонного киммерийца рассказывают повести Ника Харриса:

- Цепь оборотня
 - Завоеватель
-

- [Ник Харрис](#)
 - [Цепь оборотня](#)
 - [Ник Харрис](#)
 - [Завоеватель](#)
-

Ник Харрис

Цепь оборотня

С усмешкою мудреца, в полной мере познавшего тщету земной жизни, ущербный месяц наблюдал с небес за небольшим караваном, нехотя преодолевающим выжженные солнцем пространства. По следу каравана, принюхиваясь, кралась волчья стая.

Двенадцать голодных, матерых зверей подывали от нетерпения. На выжженную траву капала слюна. Запах близкой пищи призывал, забыв осторожность, броситься вперед и вонзить клыки в теплое, парное мясо! Упиваясь дымящейся кровью, рвать податливую плоть, торопливо глотать и снова рвать! Но звери умели сдерживать себя, и, только заметив дрожь клочьев серой шерсти на боках, можно было понять, чего это им стоило. А караван медленно продвигался вперед. Две лошади и верблюд. На первой — восседал высокий, статный воин в полном боевом доспехе. На его широком поясе висел огромный меч в простых кожаных ножнах. Волевое, покрытое шрамами лицо и сверкающие неожиданной синевой глаза выдавали в нем человека решительного и весьма скорого на расправу.

Вторая лошадь несла поклажу — два притороченных по бокам тюка. На верблюде притулился некто, почти не заметный среди горбов. В глаза бросались спутанная борода и длинный крючковатый нос с двумя бородавками.

Усталые животные плелись шагом. Ехали, по большей части, молча, только иногда коротышка напевал в полголоса странные, чужеземные песни, то источающие невообразимую грусть, то расплескивающие неожиданное веселье. Язык был и вовсе неземным: отрывистым и певучим, напоминающим грозный рокот прибоя и тихий шелест умирающей осенней листвы.

— Конан, пора остановиться на ночлег, животные устали, — прервав песню, сказал тот, что ехал на верблюде.

— Пожалуй... — проворчал воин, останавливая коня, — только спокойной ночки нам не будет... Волки...

— С чего ты взял? — спросил коротышка, повернувшись головой.

Его звали Хепат. Был он гномом, прибившийся к людям после того, как клан его царя Вармина уничтожили обезьянолюди. Жители злого Шадизара считали его уродцем-карликом, фантазером и хвастуном. И частенько, угостив вином, с усмешкой слушали хмельные, запутанные рассказы о подвигах Конана, оруженосцем которого он себя с некоторых пор считал.

Ухмыляясь, подмигивая, и подталкивая друг друга локтями, завсегдатаи таверны толстого Асланкариба откровенно смеялись над рассказами гнома, считая их досужей выдумкой любителя вина и пьяных споров. Однако смех мгновенно стихал, стоило в таверне появиться Конану. И недавние шутники вдруг с преувеличенным вниманием начинали слушать пьяного Хепата, кивать и поддакивать, опасливо косясь на его грозного покровителя.

Иногда гном, роняя пьяные слезы, жаловался другу на какого-нибудь не в меру ретивого пересмешника, и киммериец без лишних слов за шкирку выбрасывал шутника из таверны.

— С чего ты взял? — повторил Хепат, прислушиваясь, — я ничего не слышу...

— И я не слышу, — ухмыльнулся Конан, — просто я знаю, что в этих местах волки

всегда нападают на караваны. А наш — вообще легкая добыча: слишком маленький...

Хепат, ловко уцепившись за шерсть, слез с верблюда.

— Нужно набрать... найти дров... — он растерянно оглянулся.

Вокруг раскинулась унылая степь... Ни единого деревца...

— Если попадется стая не слишком большая и не слишком голодная, может, и не рискнет напасть, — Конан расседлал и стреножил животных, затем стал распаковывать седельные сумки.

— А если — большая и голодная?

— Тогда нам придется туто...

Наскоро закусили. Месяц нырнул в тучи, и степь подернулась дымкой. Укладываться спать не имело смысла. Сидели спина к спине, зорко взглядываясь в сумерки. Лошади и верблюд жались к хозяевам и тревожно били копытами.

— Вот они, — негромко сказал Конан и принял считать, — два... шесть... десять...

Судя по парным огонькам глаз, стая насчитывала не менее двенадцати волков.

— Говорил тебе — купи арбалет или лук! — в словах Конана не было укоризны, скорее, легкая досада, — что ты сможешь сделать со своим кинжалом?

— Ничего... — тонким голосом отозвался гном.

— Вот и я говорю — ничего!

— Ничего! — голос Хепата окреп, — я уж как-нибудь... пару глоток им перережу!

Волки приблизились. Темные силуэты с горящими, как у демонов, глазами, легкими тенями скользили над землей, ложились, вскачивали, отходили в степь, возвращались, скуля от голодного нетерпения.

— Главное, не дай себя опрокинуть! — Конан поднялся и вытащил меч, — сейчас они нападут! Приготовься!

Бесшумная поступь волков придавала стае призрачный вид. Будто не живые существа готовились к нападению, а бесплотные призраки, духи степей. Одна тень внезапно выросла до размеров годовалого теленка. Это вожак, самый крупный самец в стае, приблизился и приготовился к прыжку.

Остальные — зашли с боков. Конан не стал ждать нападения. Легкой тенью — в свете луны сам, как бесплотный дух — скользнул вперед. Волк молча прыгнул навстречу. Атака вожака послужила сигналом остальным. Стая с рычанием бросилась на добычу. Три волка, успевшие зайти сзади, метнулись к Хепату, остальные обрушились на Конана. Первым погиб, разрубленный надвое, вожак. Но двое волков успели повиснуть на руках Конана. Третий ухватил за ногу. Лязгающие челюсти напоминали огромные капканы. Киммериец взмахнул руками, и волчьи зубы соскользнули с кольчуги. Одного зверя он зарубил, второй успел отбежать и приготовился к новой атаке. Скрипнув зубами, Конан отрубил голову волку, вцепившемуся в ногу. И метнулся к другим...

Хепат ловко проткнул кинжалом первого бросившегося на него волка, но на этом его удача и закончилась. Двое других в прыжке сбили его с ног и бросились рвать податливое тело. Одежда полетела ключами. Гном наугад тыкал кинжалом, и еще один волк завизжал, отпрыгнув в сторону. К несчастью, кинжал выпал из рук Хепата, и все, что мог сделать гном, это ухватить третьего волка за шерсть и удерживать на расстоянии локтя его щелкающую, истекающую слюной пасть. Но силы быстро иссякали, и острые, слегка загнутые зубы неотвратимо приближались к горлу Хепата. И в этот миг он вспомнил рассказы одного старого охотника в таверне.

Когда нет в руках оружия, а хищник наседает, и вот-вот его клыки ворпются в горло — остается только один способ...

И Хепат, в отчаянии, решил прибегнуть к этому последнему средству. Изо всех сил он сунул голую руку в пасть зверя. На, подавись! Суть состояла в том, чтобы перекрыть хищнику дыхание. Волк сомкнул челюсти на руке гнома. Хепат закричал от боли, слыша, как хрустят кости, но пропихивал руку все глубже в пасть зверя. И волк стал хрипеть и задыхаться. Затем вяло замотал головой и рухнул рядом со своей жертвой.

Конан в это время отбивался от всей стаи. Неуловимым демоном смерти кружил он в степи, а меч в его руке походил на смерч. И даже волки — ловкие, свирепые твари — не могли сравниться с ним в быстроте.

Скоро все было кончено. На окровавленной траве повсюду валялись волчьи трупы. Хепат стонал, пытаясь перевязать руку. По ноге Конана струилась кровь, но синие глаза сверкали торжеством. Они победили! Вдвоем справились со свирепой стаей!

Стреноженные лошади в страхе ржали где-то неподалеку. Верблюд молчал, видимо, затаившись в степи.

Конан тщательно промыл раны — Хепата и свою. Затем наложил на сломанную руку гнома шину из ножен его фамильного кинжала и туго забинтовал обрывками одежды, пришедшей в полную негодность из-за острых волчьих зубов.

Потом перевязал ногу и, слегка прихрамывая, отправился на поиски коней и верблюда. Хепат остался наедине с болью. Она поднималась из глубин, пульсировала, раздирала плоть, заставляла скрипеть зубами и до крови закусывать губу. В мире осталось только страдание... Хепат громко стонал. Может, спрятаться в прошлом?..

Кажется, совсем недавно жил он в обширных пещерах царства Вармина. Красота подземных залов, украшенных разноцветными сталактитами, вкраплениями кварца и малахита не уставала радовать трудолюбивых гномов. Горы дарили им неслыханные сокровища: алмазы величиной с кулак, сверкающие даже после предварительной огранки; огромные, как зубы дракона, источающие кровавый свет рубины; радующие веселым зеленым светом изумруды, горящие, как глаза дикой пещерной кошки...

Все это разграбили, растащили мерзкие волосатые создания с лицами на груди и длинными, свисающими ниже колен руками... В неравной битве с ними погиб клан Вармина.

Хепат стиснул зубы. Нет, прошлое тоже не радовало. Уж лучше наполненное болью настоящее. В нем всегда есть хоть слабая, но надежда на счастливое будущее. Вот, найдет его друг то место, откопает заветный горшок с алмазами!.. Купит неприступный замок или роскошный дворец!..

Конан привел испуганных лошадей и невозмутимо жующего верблюда.

— Вот старая ленивая скотина! Похоже, она совсем не испугалась!

Верблюд высокомерно оглядел место битвы и, сохраняя достоинство, неспешно лег, чтобы Хепат мог забраться ему на спину.

Конан навьючил лошадей и, поморщившись от боли в прокушенной ноге, вскочил в седло. Ласковое утреннее солнце согревало тело и душу. Из-за горизонта поднимались далекие синие горы. Пора было трогаться в дальнейший путь.

Предгорья великих Карпашских гор, куда держали путь Конан с Хепатом, встретили путешественников, как сварливая жена загулявшего мужа. Погода испортилась. Хмурое небо назойливо сыпало мелким дождем. Густой туман змеей полз меж холмов. У Хепата болела рука, у Конана дергало ногу. Настроение у обоих было отвратительным.

— Конан, а ты оглядывался после того, как мы тронулись? — проскрипел гном, превозмогая боль.

— К чему это? — хмуро спросил киммериец.

— А к тому, что все трупы волков исчезли вскоре после того, как мы отъехали! — заорал Хепат, ставший после схватки с волками чрезвычайно раздражительным.

Конан поморщился. Не то от боли в распухшей ноге, не то от крика гнома и его глупых слов.

— Да, пропали! — не унимался Хепат, которому требовался собеседник, чтобы отвлечься от страданий.

— Ну, отъехали мы — их не стало видно, они же лежали! — ответил Конан, чтобы хоть что-то сказать.

— Ты что, меня дураком считаешь?! — разговор не помогал, боль по-прежнему была нестерпимой. — Они именно исчезли, как исчезает вода, впитываясь в песок!

— Да не ори! — наконец, рявкнул Конан, — меня тоже боль донимает... Надо заехать в ближайшее селение и найти лекаря! Что-то не то с нашими ранами! Может, я их плохо промыл?..

Ближайшее селение оказалось небольшой деревней с низкими глинобитными домиками, крытыми полусгнившей соломой. Посреди возвышалось вековое, раскидистое дерево. Больше в деревне не было ничего примечательного.

На пороге крайнего домика курил трубку худой старик, по виду ровесник если не самого Нергала, то, по крайней мере, его внуков. Согбенный годами и болезнями, он напоминал злобного лешего. Но глаза из-под мохнатых седых бровей глядели на удивление зорко и ясно.

— Вам нужен знахарь? — как сухая лесина, проскрипел старик, всмотревшись в искаженные страданиями лица путников.

Конан кивнул, и «леший» указал неразгибающейся до конца рукой на домик, выгляделший новее и лучше других. Друзья поблагодарили скрывшегося в табачном дыму старика и направились к указанному дому.

Собака, спавшая у входа, даже не открыла глаз и вообще не подала виду, что заметила путников. Хепат, которого Конан снимал с верблюда, громко стонал и ругался, но псины и ухом не повела. Возможно, она была старая и глухая, или вообще отдала душу своему собачьему богу. Хромая мимо собаки, Конан испытывал огромное желание пнуть ее здоровой ногой, чтобы она известила, наконец, хозяина о приходе гостей. Но, как выяснилось, лекарь их уже ждал.

— Вас направил старый мельник? Мазь скоро будет готова...

Действительно, знахарь помешивал в котелке некое варево, распространяющее аромат, способный поднять мертвого.

«Если и сейчас не проснется его собака, — подумал Конан, стараясь не дышать слишком глубоко, — значит, она давно околела...»

Старый мельник по виду смахивал на лешего, а знахарь мог бы сойти за домового. Маленького роста, немногим выше Хепата, сухой и подвижный, с лицом, будто выструганным из корявого полена, он ни минуты не оставался на месте. Даже помешивая

зелье, перебирал ногами, будто в танце, не в силах долго находиться в одной позе. Конан нахмурился. Что-то неестественное было в этой деревне и ее жителях...

Скоро вонь стала невыносимой, и «домовой», потянув носом, будто только теперь почувствовал запах, объявил:

— Мазь готова. Она поможет и от нарывов, и от отека, и от... — он не договорил и принял что-то невнятно бормотать.

Конан размотал тряпки на руке гнома. Знахарь с интересом вурдалака, рассматривающего будущую жертву на предмет полнокровия, вглядывался в рану.

— Волки?

— Именно, — хмуро ответил Конан, разбинтовывая ногу.

— Сколько волков было в стае? — стариk бросил на киммерийца быстрый взгляд.

— Двенадцать.

— Вы не заметили ничего странного? — знахарь ловко накладывал воючую мазь на рану Хепата.

— Броде бы нет... — Конан невольно почесал затылок.

Но тут прорвало гнома. Морщась от боли и отвратительного запаха, он рассказал, что трупы волков исчезли вскоре после битвы.

Вопреки ожиданиям Конана, стариk не рассмеялся. Опять забормотал что-то невразумительное, затем быстро наложил мазь на распухшую ногу киммерийца и ловко забинтовал.

— Можете ехать дальше!

— Какой там «ехать»?! — разозлился Конан, — мой друг еле на ногах держится! Нам бы отдохнуть пару дней!

— Здесь-то вы вряд ли найдете место для отдыха...

— Мы его уже нашли, — киммериец бережно уложил Хепата на низкую лежанку.

Гном тяжело, с натугой дышал и, похоже, готовился потерять сознание. Конан отстегнул пояс с мечом и сел на шаткую скамью рядом с лежанкой.

— Не ругайся, знахарь, мы хорошо заплатим, — сказал он уставшим голосом и, откинувшись на спинку, закрыл глаза.

— У меня в доме даже есть нечего, — слабо протестовал лекарь, уже зная, что все возражения окажутся бесполезными.

Этот воин сделает все по-своему. И деревне грозит беда... Не от него — он-то выдержит, а от второго... У того и рана пострашнее, и сам он хлипкий...

— Распакуй наши седельные сумки, — Конаном овладела сладкая дрема, — там вяленое мясо и вино... Да позаботься о лошадях и верблюде...

Знахарь, качая головой, вышел из хижины. Молча оглядел собравшихся перед входом стариков и старух — жителей деревни. В ответ на вопросительные взгляды хмуро кивнул.

Затем вздохнул и пошел к лошадям. Остановившись, нехотя сказал:

— Воин выдержит... И мазь хорошая... А вот второго — коротышку — надо опасаться...

Жители деревни — не больше десятка человек — понуро побрали к своим хижинам. Новая беда... А они слишком стары, чтобы бежать... Да и куда убежишь? Вокруг бродят стаи этих... Молодые пробовали убегать — и что из этого вышло?! Стало только хуже...

Наутро Конан чувствовал себя значительно лучше. Правда, иногда накатывали волны озноба, но рана почти не болела. А с лихорадкой, по совету знахаря, он боролся усилием воли. Сжимая огромные кулаки так, что трещали пальцы, он заставлял озноб отступать. Гнал

его из тела, как, бывало, выгонял хмель во время внезапной ночной атаки противника.

Это был еще один прием опытных наемников: мертвецки пьяный воин, заслышав сигнал тревоги, сосредотачивался, собирая в кулак волю, с рычанием вскакивал на ноги и сражался, как лев. А после битвы, расслабившись, опять едва держался на ногах...

С Хепатом дело обстояло значительно хуже. Рука его вроде и зажила, но лихорадка донимала до потери сознания. Хмурый знахарь ежедневно смазывал его рану вонючей мазью и туго бинтовал. При этом губы лекаря непрестанно шевелились: похоже, он истово молился своим богам.

Однажды, когда гном в очередной раз лишился чувств, знахарь печально, но твердо сказал:

— Ты должен убить его.

От неожиданности Конан лишился дара речи.

— Он превращается, — продолжал старик. — Однажды ночью он нападет на тебя...

— Превращается?.. В кого?

— На вас напали не просто волки... Оборотни... Все они когда-то были людьми...

Многие — из нашей деревни.

— Что ты городишь?! — рассвирепел Конан, — самые обычные волки! Я таких убивал и раньше!

— Но раньше не исчезали трупы.

— Это ему показалось! Я ничего такого не заметил!

— Но ты ведь не оглядывался.

Конан не знал, что и сказать. Молча смотрел он на друга, впавшего в беспамятство и перебирающего в бреду руками и ногами, как это делают спящие собаки... и, наверное, волки.

— Мы давно знаем эту стаю... — грустно продолжал старик, — а вожак... Вожак — мой сын. Когда в наших краях появился оборотень и покусал несколько человек, я стал искать рецепт мази, которая убивала бы эту волчью заразу. Нашел, но было уже поздно — многих растерзали, многие превратились в оборотней... Да и не всегда помогает моя мазь... Нужно еще иметь сильный дух, волю... Ты справился, а вот товарищ твой — нет... Поэтому его нужно убить, пока он...

— Нет! — рявкнул Конан, — нужно искать другой выход!

— Другого выхода нет.

— Должен быть! Должен... Когда меня околдовали, он, — Конан кивнул на гнома, по-прежнему лежащего в забытьи, — летал за одним хорошим колдуном... Нашим другом... И тот помог мне!

— Летал? — удивился знахарь.

— Да, да! Летал на пауке! Тебе не понять! — Конан метался по хижине, как зверь. Затем заставил себя успокоиться и сел на лежанку. Поправил шкуру, которой накрыли дрожащего Хепата, и твердо сказал:

— Я отправлюсь за волшебником. Сколько это займет времени — не знаю. Но ты будешь кормить его, ухаживать за ним...

— Да, но...

— Он будет сидеть на цепи!

Конан достал кошелек, бросил на стол несколько золотых монет.

— Это — задаток. А теперь принеси мне самую крепкую цепь и кузнецкие

Ночами в узких ущельях, на дне которых пенились быстрые горные речки, становилось прохладно. Конан коротал время в полудреме у костра, наблюдая за веселыми плясками гибких, как молодые танцовщицы, языков пламени. Отправившись за Эскилампом в самое сердце Карпашских гор, где вздумал поселиться волшебник, киммериец спрашивал себя — не зря ли он оставил Хепата в деревне? Смогут ли — и будут ли — ухаживать за оборотнем жители? В том, что знахарь оказался прав, Конан убедился перед отъездом. Он как раз успел приковать друга к стоящему посреди деревни дереву, как тот стал меняться. Это была страшная и болезненная процедура. Хепат корчился и оглашал окрестности ужасным ревом, когда у него смешались лицевые кости, росли клыки, а руки и ноги превращались в когтистые лапы.

Конана он не узнавал и бросался на всех, кто стоял рядом. Даже глаза его изменились — стали ярко-желтыми, с вертикальными зрачками — и вспохами ненависти ко всему живому.

Конан поворотил сучья в костре и вздохнул. Сможет ли Эскиламп помочь? Да и вообще, вначале нужно найти жилище волшебника... Застать его дома... Возможно, он путешествует где-нибудь на другом конце света!

Резко закричала ночная птица. Захлопала крыльями, готовясь в любой момент сорваться и улететь от неведомой опасности. По ущелью прокатилось эхо далекого обвала. Невдалеке все также весело журчала речка.

Конан обнажил меч и положил его рядом с правой рукой. Что-то приближалось. Опять закричала птица. Подбросив в огонь свежие сучья, киммериец отвернулся от костра и пристально взгляделся в темноту. Казалось, невдалеке метались неясные тени. Птица теперь кричала непрерывно. Конан взял меч и встал спиной к огню. Легкий ветерок доносил обычныеочные запахи — прохлады, воды, сухой травы...

* * *

Хепат очнулся, чувствуя сильную слабость. Застонал и открыл глаза. Первым, что он увидел, была цепь. Хорошая, прочная, на такую и дракона можно посадить — не порвется. К безмерному удивлению гнома, на этой цепи сидел он сам. Железный ошейник сильно натер шею и теперь гнул Хепата к земле. Он взял цепь в руки, покачав, взвесил и положил на плечо. Шее стало легче. Где же Конан? Почему он посадил друга на цепь? И что за кости лежат рядом? Похоже, человеческие. Голова Хепата налилась свинцовой тяжестью...

К вечеру появился знахарь.

— Ну, что — очнулся? Ты съел моего помощника, когда он принес тебе пищу! Он думал, что ты спишь, и хотел придвинуть миску поближе...

— Что ты такое говоришь? — Хепат еле ворочал языком после болезни, хотя рука его, похоже, зажила.

— То и говорю, — мрачно сказал знахарь, — если бы твой друг не дал такой щедрый

задаток, я бы давно убил тебя!

Хепат еще раз потрогал цепь, будто пробуя ее на прочность. Звенья были выкованы на совесть. Только вот пахла она мерзко — железом. Гном вдруг заметил, что различает множество запахов. Каждая вещь имела свой неповторимый аромат. Вот на этой цепи, например, сохранился запах Конана. А знахарь носит с собой вонь той самой мази, и даже из могилы его будет доноситься этот ужасный смрад...

Внезапно навалилась темнота, и Хепат почувствовал, что тело его странным образом меняется.

— Превращается, тварь! — зашипел знахарь, плюнул и пошел в хижину.

Хепат натянул цепь. Захрипел, дернулся. Крепкая. Тогда он поднял морду и с тоской завыл на луну...

* * *

Конан стоял у потухающего костра, а вокруг него по-прежнему носились тени. Какой-то хоровод демонов! Мужчины, женщины или иные существа кружились в смутном, потустороннем танце — понять было невозможно. Иногда мерцали глаза — огромные и печальные, затем вновь мелькали прозрачные руки, ноги... Кружились, взлетали, опускались... Бешеный танец призраков...

Костер догорел. Где-то за горами занималась заря. Тени становились бледнее, танец их уже не так кружил голову. Подул легкий ветерок, и последние фантомы исчезли вместе с клочками утреннего тумана.

Что это было? Конан вложил, наконец, меч в ножны, хотя это следовало сделать уже давно. Ясно, что хоровод призраков не мог причинить вреда. Но чего они хотели? О чем-то предупредить? Напугать? Просто поиграть, потанцевать вокруг живого человека? Почему-то казалось, что тени его узнали. Может, он услышал свое имя в шелесте травы, в журчании речки, а может, его произнесли призраки?

Наскоро позавтракав, Конан взнуддал лошадь и продолжил путь вдоль быстрой, живо журчащей на мелководье речки. Еще два дня необходимо ехать по ущелью, затем появится еле заметная тропа, ведущая вверх по скалам — не проворонить! Четыре-пять дней по тропе, какой бы опасной она не казалось, а потом — пещера, похожая на разинутую пасть дракона. Так рассказывал Эскиламп, когда они расставались после бегства из замка на Острове Пауков.

Несмотря на то, что Конан всем сердцем любил горы, путь по узкому, гулкому ущелью не приносил ему радости. Слишком сумрачно, слишком тревожно вокруг! Раздавались резкие, предупреждающие крики невидимых птиц, ущелье глухо ворчало отдаленными обвалами, словно старик-колдун, накликающий беду.

Киммериец ехал шагом, повторяя прихотливые изгибы речки и мрачно поглядывая на скалы, зачастую нависающие над ним тяжелыми карнизами. Несколько раз оттуда срывались камни и гулко падали на тропу. Вероятно, наверху бушевал ветер.

Следующая ночь выдалась еще тревожнее. Темнота вокруг костра сгустилась настолько, что казалась осязаемой. Вытяни руку — и упрешься в твердую, как камень, стену. Костер выглядел слабым и жалким по сравнению с черными глыбами наваливающейся тьмы.

В эту ночь призраки не появлялись, и птицы не кричали. Вместе с темнотой пришла

странная тишина. Даже речка журчала тихо и робко, будто опасаясь привлечь внимание страшного хозяина ночи. Конан, как и раньше, сидел спиной к костру, держа на коленях обнаженный меч, всем существом чувствуя приближение опасности. Темнота окончательно заглушила журчание речки. Возможно, пал туман. В тумане так легко подкрадываться к добыче!..

Откуда-то сверху послышался шум — будто далекое хлопанье огромных кожистых крыльев. Конан замер, обхватив рукоять меча. Прислушался. Теперь не оставалось сомнений, что некто огромный, мерно работая крыльями, летел над ущельем. Дракон? Или король нетопырей?

По слухам, в каждой местности, где в больших количествах жили летучие мыши, обитал один монстр — король местной колонии. Многие рассказчики клялись, что видели громадного нетопыря собственными глазами. Огромного, черного, величиной — не меньше дракона. Правда, впоследствии выяснялось, что очевидцы никогда не видели дракона... Но кто же не знает его размеров?!

Обычно в таверне, начиная с этого места, возникали яростные споры о величине дракона. Часто доходило до драки. И только немногие мудрецы пытались пояснить, что драконы растут в течение всей жизни, а жизнь у них практически бесконечна! Следовательно, и размеры бывают — от драконьего цыпленка, до огромного, как гора, чудовища, по которому можно ходить и не заметить, что топчешь живую плоть...

Но спорщиков такие речи мало вразумляли, равно, как и крепкие кулаки любителей решать сложные вопросы упрощенным способом. Спорщики наслаждались самим процессом спора, истина их, в общем, мало интересовала...

Все это промелькнуло в голове Конана в один миг. Какой еще зверь внушительных размеров может летать? Вспомнились летающие пауки, но звук... Нет, там звук был другой. Напоминающий, скорее, многократно усиленное жужжание шмеля.

В юности Конан часто находил в горах скелеты странных летающих существ: с длинным, усаженным острыми зубами клювом и большого размаха кожистыми крыльями. Однажды он даже видел нескольких тварей, круживших над далекой вершиной. Возможно, именно там они свили свое чудовищное гнездо.

Огромное тело, скрытое темнотой, пронеслось над костром, разметав угли и дрова. В нос ударили острый звериный запах. Конан скользнул под защиту утеса, нависшего, как он помнил, над самой тропой. Вдали раздавалось беспорядочное хлопанье крыльев. Вероятно, монстр разворачивался для атаки. Первый полет был просто разведкой. Теперь последует удар — или клюва, или шипастого хвоста, или когтей...

* * *

Вынырнув в очередной раз из тяжелого забытья, Хепат в недоумении огляделся. Все та же цепь, только земля вокруг изрыта и костей прибавилось. И тогда он смутно вспомнил...

Пылающий ненавистью взгляд захаря и тяжелая, шишковатая палка в его руке... Обжигающая боль от ударов... Насмешки старика, уверенного в своей безопасности... Рывок за палку, отчаянный прыжок и вкус крови!.. Самый прекрасный вкус на свете! Что там вино! Разве можно сравнить вяло текущее по жилам опьянение и восхитительный огонь, разливающийся по телу с каждым глотком горячей, дымящейся крови?! И — вкус! С кровью

может сравниться только парное человеческое мясо! О невероятное, непередаваемое словами счастье — вкушать человеческую плоть и кровь! Скорее, скорее бы опять настала ночь! Эта восхитительная, верная подруга оборотней и вампиров! Она укроет бархатным одеялом, спрячет, позволит незаметно подобраться к жертве! Одним своим приходом она заставит трепетать в предвкушении!.. О, если бы не эта проклятая цепь! Но цепь не может выдержать рывок нескольких зверей! Нужно позвать на помощь!

И по деревне разнесся жуткий, призывный вой оборотня. А где-то в предгорьях его услышал огромный вожак стаи, насчитывающей ровно двенадцать волков...

* * *

Конан стоял, прижавшись спиной к камню, еще не успевшему отдать ночи накопленное за день тепло. Угольки, оставшиеся от костра, дрогали красными глазами злобных демонов. Ночь, наконец, победила последний оплот света — костер, и теперь злорадно хихикала над слепым в темноте воином, наугад выставившим бесполезный меч.

Как ни странно, Конану действительно послышался далекий смех. Демоны ночи пришли посмеяться над его поражением? Он не доставит им такой радости!

Огромное существо, хлопая крыльями, приближалось. Ориентируясь по слуху, Конан приготовился отразить атаку. Эти проклятые безлунные ночи! Если бы над горами сияла луна! Ну, пусть не сияла, пусть небольшой серп...

Невидимое в темноте, тело грузно опустилось неподалеку. Вероятно, чудовище решило напасть не с воздуха, а с земли. Осторожная тварь! Сейчас она, должно быть, подкрадывается, готовясь к броску. В темноте можно ожидать нападения с любой стороны...

Конан сделал несколько пробных движений, затем раскрутил тяжелый меч так, что он со свистом рассекал воздух в разных направлениях, и ни одно, даже самое быстрое существо не смогло бы живым пробраться сквозь это облако разящей стали.

— Браво, Конан, — раздался рядом веселый голос Эскилампа, — твоё мастерство достойно самой высокой оценки!

Затем волшебник произнес заклинание, щелкнул пальцами, и на песке сам собой загорелся небольшой костер. Эскиламп подобрал разбросанные сучья и аккуратно положил в огонь.

— Я всегда говорил, что волшебное пламя выглядит лучше на настоящих дровах! Только они быстро сгорают. Но можно произнести заклинание, и они будут горетьечно! — и колдун нараспев стал произносить нужные слова.

— Что за тварь служит тебе вместо коня? — спросил, наконец, Конан, спрятав меч в ножны.

— Это Гаэланд! Лучший из моих крылатых помощников! — Эскиламп что-то пробормотал, и огонь столбом взметнулся к небу, осветив на миг отвратительную морду хищного ящера с торчащими из пасти зубами длиной в локоть.

— Тени-разведчики доложили, что великий воин Конан спешит разыскать мое скромное жилище. Я понял, что дело серьезное, и отправился навстречу.

— Дело действительно серьезное... Хепата укусил волк-оборотень. И хоть знахарь мазал нас вонючей мазью...

— Постой! Значит, волк и тебя укусил? — Эскиламп вдруг стал обнюхивать Конана, как

собака убитого медведя.

— Да... и меня. Но мазь помогла. А вот Хепат...

— Тебе помогла не только мазь, Конан, — колдун непонятно чему весело засмеялся, — тебе помогла еще твоя воля! Я чувствую в тебе некоторые рефлексы оборотня! Отныне ты будешь еще быстрее в сражении, еще неутомимее в беге!.. Ты, похоже, единственный человек, которому вливание заразы оборотня пошло на пользу!

— А Хепата пришлось посадить на цепь... Я хорошо заплатил знахарю, он должен кормить его до нашего прихода.

Эскиламп помрачнел и задумался. Потом с сожалением сказал:

— Боюсь, друг мой, ему уже не помочь... Но мы все же попробуем, хотя это будет и нелегко!

Утро выдалось пасмурным и хмурым, подстать настроению Конана. Эскиламп уговаривал лететь на чудовище — так быстрее, но чтобы придать ящеру силы, требовалось пожертвовать лошадью. Ибо, только подкрепившись кобылой, он будет способен снести двоих. Даже при дневном свете существо напоминало ночной кошмар. Костистое тело, будто скелет, обтянутый кожей, огромные крылья с когтями на конце и в середине. Длинный, усаженный зубами-кольями клов, или пасть, или нечто среднее... И запах! Конан удивлялся — почему в Эскилампа, сидевшего верхом на монстре, не въелся этот запах? Волшебник благоухал душистыми травами и чем-то еще, непонятным, но довольно приятным.

Конан не отдал свою бедную лошадь на корм ящеру, и Эскиламп отпустил чудовище поохотиться. Расправив крылья, монстр взмыл в небо.

— Ты отправляйся, не мешкая, — говорил колдун, — я догоню. Нам нужно усыпить Хепата... точнее, уже не Хепата... и везти его к...

Эскиламп внезапно замолчал и задумался. Конан не стал ни о чем спрашивать. Молча собрал поклажу, вскочил на кобылу и, кивнув волшебнику, поспешил в обратный путь.

Обратная дорога — всегда короче, и уже на следующее утро Конан почти выбрался из узкого ущелья, в котором еще недавно водили хоровод призраки. Кто бы мог подумать, что это разведчики Эскилампа! Привидения, чудовищный ящер... Конан усмехнулся. Интересно, много у него таких слуг?

Внезапно кобыла заржала и поднялась на дыбы. Из-за камня вышел огромный, замшелый пещерный медведь. Свалившаяся шерсть на боках напоминала некогда пушистый, но изрядно побитый молью ковер. А массивная голова зверя походила на громадный, изъеденный ржавчиной котел, обращенный вперед донышком.

Пещерные медведи давно покинули места, где появился человек. Так же, как и мамонты, шерстистые носороги и саблезубые тигры. Предгорья Карпашских гор часто посещались людьми, и встреча с пещерным медведем могла означать только одно: его изгнали, он стал слишком стар, чтобы оборонять свою территорию. На смену пришли молодые. Где-то там, в далеких, диких местах, в которых обитали эти громадины — сменилась власть.

Медведь стал «шатуном». Злым, опасным, мстительным. Любой ненавистью пылали его глаза. Хрипло заревев, зверь поднялся на задние лапы и стал вдвое, если не втрое, выше человека. Когти напоминали кривые туранские кинжалы.

Конан с трудом управлялся с испуганной, закусившей удила лошадью, норовившей сбросить хозяина и бежать подальше от этого мохнатого страшилища, неожиданно вставшего на пути. Спешившись, киммериец успел накинуть уздечку на сук ближайшего деревца. Медведь стоял неподвижно и оглашал окрестности хриплым ревом. Уступать дорогу человеку он явно не собирался. Конан обнажил меч и медленно пошел на зверя. Оставалась надежда, что медведь все-таки отойдет в сторону: не выдержит открытого — глаза в глаза — противостояния с человеком. Остановившись на некотором расстоянии от зверя, Конан спокойно смотрел в его злобные глазки. Медведь замотал головой, словно хотел избавиться от пристального взгляда человека, как от назойливой пчелы. Затем закрыл морду лапами, и этот смешной жест вызвал в душе Конана острую жалость к старому зверю, которого выгнали с насиженных мест. Закрыв глаза, зверь невольно отдался во власть человеку. Конан мог бы в прыжке вспороть ему брюхо, но решил испробовать другой способ.

Он вспомнил рассказ старого шамана одного северного племени, кочующего по заснеженным полям Асгарда. Старик рассказывал молодым охотникам, как можно напугать зверя, приготовившегося к атаке. Речь шла о белых медведях, но шаман уверял, что его метод сработает на любом звере. Все зависит от силы духа и способностей охотника.

Шаман собрал юношей и повел в район, где хозяином был огромный белый медведь. Конан заинтересовался и примкнул к группе. Стоило охотникам углубиться во владения грозного хозяина здешних мест, как он не замедлил появиться — огромный, разъяренный, ревущий так, что закладывало уши.

Шаман сделал охотникам знак остановиться и в одиночку пошел навстречу зверю. Медведь поднялся на задние лапы — человек замер в похожей стойке, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами. Сделал несколько медленных движений, и Конану показалось, что пальцы шамана удлинились, превратившись в когти — черные, кривые, длинные. Некоторые охотники уверяли, что заметили один обломанный коготь — на правой руке у шамана недоставало пальца.

Дальше произошло и вовсе невероятное. Шаман вдруг стал расти. Вот его рост сравнялся с медвежьим... Превзошел его!.. Охотники стояли, запрокинув головы. Казалось, меховая шапка старика скоро коснется облаков! Конан не верил глазам. Что это? Колдовской морок? Иллюзия? Шаман протянул огромные косматые лапы к медведю и тот, заскулив, как обиженный щенок, побежал, испуганно оглядываясь и пачкая свой след. Старик сумел так напугать грозного зверя, что вызвал у него «медвежью болезнь».

Охотники протирали глаза, когда шаман подошел к ним и стал рассказывать, что нужно чувствовать и представлять; чтобы «вырасти до небес». Конан хорошо запомнил его рассказ. Не попробовать ли напугать зверя? Убивать старого, закрывшего глаза медведя не хотелось.

Вложив меч в ножны, киммериец сосредоточился, как учил шаман, «до мурашек на спине». Почувствовав, таким образом, прилив сил, он представил рост. Он растет! Становится выше зверя, выше стен ущелья!.. Шаман учил: стоит потерять «мурашки», и ничего не выйдет. Сосредоточение, восторг на грани исступления — вот что дает силу роста! Облака вдруг приблизились. Конан радостно засмеялся, и смех его был подобен раскатам грома! Из-под облаков он видел, как огромными скачками удирает медведь. Этот маленький, бедный зверек, решивший поужинать человеком!

Мир казался блюдцем, лежащим у ног. Речки, холмы, дороги...

Хотелось шагать, покрывая огромные расстояния, разгонять дыханием тучи, движением ладони сбрасывать в пропасть скалы, сравнять с землей горы...

Отпустив «мурашки», Конан вновь стал обычным человеком. Взглянув на облака, покачал головой. Вздохнул, отвязал перепуганную кобылу и вскочил в седло.

* * *

В деревне Конана встретил Эскиламп. Показал оборванную цепь и кости у дерева, к которому был привязан Хепат.

— Похоже, ему помогли разорвать цепь. Остальное — ясно. Я не нашел ни одного живого человека — только обглоданные, раздробленные кости в хижинах...

Колдун опустился на камень. Неподалеку, нахохлившись, сидел его крылатый «коњ». Завидев Конана, он разинул пасть и зашипел.

— Не обращай внимания — он просто пугает, — Эскиламп погрозил чудовищу пальцем.

Монстр несколько раз щелкнул зубами, а затем прикрыл глаза кожистой перепонкой и,казалось, заснул.

— Что теперь делать? Искать стаю? — мрачно спросил Конан.

— Стая отыскать несложно, она и сама, пожалуй, нас найдет... Сложнее пленить Хепата. Но даже и это не самое трудное. Чтобы излечить, его нужно везти к королеве демонов Эн-Кастера, а какую она потребует плату, я не берусь предсказать... Может, даст разовое поручение, а, может, заставит служить ей в течение нескольких лет.

По опустевшей деревне гуляли маленькие смерчи, предсказывая скорое изменение погоды. «Дерево Хепата» шелестело листвой, и, казалось, ветки его раскачиваются сильнее, чем следовало бы при таком слабом ветре.

— Ты готов, Конан, выполнять ее поручения? — Эскиламп пристально посмотрел в синие глаза киммерийца.

— Только после того, как она расколдует Хепата.

Ветерок донес заунывный вой стаи. Дерево сильнее зашелестело листвой. Волшебник прислушался.

— Похоже, оно не слишком любит оборотней... Возможно, хочет нас о чем-то предупредить.

Конан оглядел унылую, опустевшую деревню.

— Как мы будем его ловить? Перебьем стаю?

— Лучше предоставь это мне, герой. Обойдемся без крови, тем более что убить оборотня невозможно.

— Я слышал, что может помочь серебро...

— Это только слухи, — Эскиламп грустно улыбнулся, — серебряная стрела или нож...

После раны, нанесенной этими предметами, оборотень восстанавливается не так быстро — только и всего. А потом старается уйти из мест, где применили серебро.

— Ну, значит, польза все же есть....

Тосклиwyй вой раздался гораздо ближе. Крылатое чудище Эскилампа проснулось и защелкало зубами. Колдун произнес несколько слов на непонятном, певучем языке, и монстр, распространяя ужасную вонь, расправил крылья и взмыл в небо.

— Пусть поохотится, нам он пока не нужен... Стало быстро смеркаться. За дальней хижиной замелькали бесплотные тени.

— Если оборотня невозможно убить, — сказал Конан, — то почему они не заполнили

весь мир?

— Ну, во-первых, превращается только тот, кого укусили, а не тот, кого разорвали на клочки и съели! А стая редко упускает добычу. Жертвы пожираются, и кости их обгладываются начисто! Вот пример: в деревне жителей было не так уж мало, а оборотнями стали только одиннадцать человек.

— С каждой деревни — да по одиннадцать... — начал Конан.

— А во-вторых, они долго не живут! Убить их невозможно, но они смертны — ежедневные превращения... смещения костей, хрящей, мускулов... организм оборотня быстро изнашивается.

— Значит, если мы расколдаем Хепата...

— Он не будет дряхлым старичком, но станет значительно старше! А теперь — приготовься! Если не сработает мое волшебство, то придется драться!

Эскиламп извлек из складок плаща старинный кинжал и забормотал заклинание. Волки появлялись из темноты, как привидения. Садились полукругом, и, казалось, с любопытством рассматривали людей. Рядом с огромным вожаком крутился небольшой серовато-седой волк.

— Вот он — негромко сказал Эскиламп.

Кинжал его медленно разгорался фиолетовым светом. Конан стоял с обнаженным мечом в руке и печально взглядался в маленького волка. Тот, чувствуя пристальный взгляд человека, рычал и скалил зубы, ожидая команды вожака к атаке.

Исходящий от кинжала фиолетовый свет начинал захватывать волков, и они один за другим издавая тихие стоны, падая на землю.

— Забирай Хепата и отступаем, — Эскиламп с тревогой наблюдал за ослаблением фиолетового свечения.

Подхватив маленького волка на руки, Конан широким шагом направился к ближайшей хижине. Волшебник поспешил следом. Заперев дверь, Конан уложил Хепата на лежанку и заметался в поисках веревки.

— Он начинает приходить в себя, — ровным голосом сказал Эскиламп.

Волк дергал лапами и тихо скулил. В старом сундуке, где хозяин, чьи кости лежали сейчас у порога, хранил самые ценные вещи, отыскалась, наконец, веревка. Волк открыл глаза, но Конан уже ловко связывал ему лапы. Затем петлей затянул пасть и закрепил веревку на шее.

Волк-Хепат окончательно пришел в себя и желтыми, как янтарь, глазами наблюдал за ненавистными ему существами. Это была пища! Вкусная, сочная, от одного вида которой текли слюнки. И эта пища связала его, оставив совершенно беспомощным! Эти мысли сводили с ума, и оборотень заскулил сквозь сжатые челюсти. Стая ответила дружным воем. Конан глянул сквозь забранное решеткой окно. Парные огоньки волчьих глаз метались вокруг хижины.

— Ничего, — со смехом сказал Эскиламп, — дверь крепкая, а окна — с решетками. Ночь пересидим... Но с кобылой тебе придется проститься. Да все равно ее с собой не возьмешь.

Вспомнив про лошадь, Конан крепко и затейливо выругался. Бедная скотина! Она была такой послушной!.. Вспомнился и спокойный философ-верблюд, которого, конечно, сожрали еще раньше.

Первое, что услышал Конан утром, были жалобы Хепата. Гном стонал, силясь разорвать веревки, и громко спрашивал друга — почему тот его связал.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? — мрачно спросил Конан.

— Все помню... Недавно ты меня зачем-то приковал к дереву...

— А сны? — зевая, спросил Эскиламп.

Хепат надолго замолчал. Затем смущенно покряхтел и сказал:

— Сны очень яркие... Будто я бегаю по равнине, залитой лунным светом... Я — охотник... И когда удается добыть пищу...

— Так вот, запомни, — перебил Конан, — это не сон! Тебя укусил волк-оборотень, и ты каждую ночь превращаешься! И пожираешь людей!

Хепат вдруг заплакал. Он смотрел на связанные руки, и слезы текли по его постаревшему морщинистому лицу.

— Я... я же не хотел... — всхлипывал гном, — не хочу... я не виноват...

— Никто тебя не винит, — мягко сказал Эскиламп, — мы постараемся помочь. А пока потерпи. Мы не вправе тебя развязать даже днем: ты можешь, сам того не желая, сбежать. Потерпи.

Когда окончательно рассвело, друзья вышли из хижины. Конан скрипнул зубами, увидев груду аккуратно обглоданных лошадиных костей. Даже клочка шкуры не оставили оборотни от его кобылы.

Эскиламп развел руками — что ж делать? Его крылатый монстр сидел на прежнем месте, будто никуда и не улетал со вчерашнего дня. Завидев хозяина, он радостно щелкнул клювом.

— Поспешим, — сказал волшебник, привязывая испуганного гнома к какой-то шишке на спине чудовища, — путь неблизкий и нелегкий...

Конан, стараясь не слишком глубоко дышать, уселся на костлявый хребет ящера, позади Эскилампа.

— Готов? — обернулся колдун. — Полетели! Расправив кожистые крылья и окутав Конана своим неповторимым запахом, чудовище после короткого разбега устремилось в небо.

Вскоре леса превратились в траву, холмы — в маленькие, еле заметные неровности, а облака казались не дальше, чем потолок в доме.

— Приготовься, — крикнул Эскиламп, — сейчас будем прорезать облака!

Ровно и мощно работая крыльями, ящер окунулся в облачность. К удивлению Конана, облака оказались не густыми и липкими башнями, а легким полупрозрачным туманом, сквозь который он неплохо видел. Совсем как обычный, земной туман, иногда чуть гуще. Вырвавшись из пелены облаков, монстр продолжал набирать высоту.

— В какой стране живет эта царица? — спросил Конан.

— В другом мире... — неопределенно ответил Эскиламп.

Конан ждал продолжения, но так и не дождался. Очевидно, колдун не желал сейчас пускаться в объяснения и рассказывать о других мирах. Казалось, он был чем-то обеспокоен. Поглядывал по сторонам, затем несколько раз что-то крикнул своему «коню». И каждый раз ящер изменял направление полета, будто пробирался по невидимой, петляющей горной

тропе.

Склонив голову, Конан смотрел на причудливые горы и валуны облаков, медленно проплывающих под крыльями ящера. Ему хотелось спрыгнуть и побродить, или, может быть, как в детстве, побегать по этим пухлым и нежным горам и долинам.

— Вот оно! — Эскиламп указал на странное, золотистое сияние в виде неправильного овала или арки.

Монстр быстрее заработал крыльями. Сияние очертаниями напоминало кольцо табачного дыма, выпущенное умелым курильщиком. А по цвету — радугу с преобладанием золотистых тонов.

Ящер набрал скорость и промчался сквозь кольцо. Ничего не изменилось, но Конан почувствовал, что Эскиламп расслабился и похлопал ладонью по костям монстра, как ласково треплет наездник усталую лошадь.

Пошли на снижение. Конан никак не мог вспомнить, как зовут этого крылатого «коя» Эскилампа. А спрашивать почему-то не хотелось. Какое-то красивое, звучное и непонятное имя...

Прорезав облака, чудовище сложило крылья и камнем ринулось вниз. Почувствовав ужас падения, Хепат закричал. Сердце Конана билось у самого горла. Эскиламп обернулся и кивнул: все в порядке. У самой земли ящер расправил крылья и приземлился плавно и мягко, чего Конан от этого костлявого чудовища никак не ожидал.

Вокруг теснились горы, поблескивая на вершинах снежными пиками. Монстр сел в небольшом каньоне, со всех сторон окруженном зубчатыми скалами. Эскиламп деловито отвязал Хепата и передал Конану. Спеленатый гном выглядел как небольшой кулек. Только воинственно топорщилась борода, и торчал крючковатый нос с двумя бородавками. Он смирился с судьбой и лишь смотрел на друзей печальными глазами.

— Где-то наверху берет начало река, название которой не произносят, — торопливо сказал Эскиламп, — она уходит вглубь горы, поглощает ядовитые вещества и превращается в поток с черной водой. Даже малейшие брызги сожгут кожу и плоть, будь осторожен. Войдешь в пещеру, — колдун показал на темной отверстие в скале, — дойдешь до реки, там должны быть лодки. Дальше вода тебя сама вынесет...

Эскиламп умолк и в сомнении покачал головой.

— Я бы пошел с тобой, но боюсь вызвать ее гнев. В прошлый раз мы немного повздорили... — волшебник грустно усмехнулся и продолжал. — Возьми кольцо, через него я буду тебя видеть. Узнаю, когда за тобой прилетать, если... Ну, словом, вперед!

Конан надел на мизинец кольцо с крупным сапфиром. Вгляделся в камень, и ему показалось, что в глубине мелькнул чей-то глаз.

— Королева-то, наверное, такая же карга, как на Острове Пауков? — ухмыльнулся воин, устраивая под мышкой связанныго Хепата.

Эскиламп с облегчением рассмеялся:

— Нет, эта симпатичнее будет... Сам увидишь. Но коварства ей не занимать, так что будь осторожен.

Конан кивнул другу и широким шагом направился к пещере.

Ступив под низкие своды, он огляделся. Узкий, длинный тоннель. Со стен сочится влага. Впереди — слабый свет, очевидно, в изобилии растет светящийся мох. Королева позаботилась, чтобы гости не плутали в темноте... Конан осторожно двинулся вперед и вскоре услышал плеск. Пещера вывела к берегу черной подземной реки. Река до половины

заполняла тоннель, стены которого были до блеска отполированы водой. Возможно, во время проливных дождей тоннель затопляло полностью.

Три небольших лодки лежали на камнях кверху дном. Рядом с каждой — весло.

Хепат впервые подал голос:

— Что будет, если где-то впереди вода поднимется?

— Тогда мы погибнем, — спокойно сказал Конан, — но не думаю, чтобы королеватопила всех своих гостей... Разве, только некоторых.

— И она сможет снять с меня заклятие? — Хепат начал проявлять интерес к своей судьбе, и это был хороший знак.

— Тут не заклятие... — Конан возился с лодкой: перевернулся и подтащил к воде. — В крови у тебя волчья зараза! Эскиламп считает, что королева сможет ее убрать.

Он уложил Хепата в лодку, прыгнул туда сам и осторожно опустил весло в черную, ядовитую воду.

— Я чувствую, что сейчас начну превращаться, — внезапно прохрипел гном, — в голове так мутно...

«Значит, наверху уже ночь», — подумал Конан.

Он с грустью посмотрел на друга и внутренне содрогнулся, увидев ярость в желтых глазах с вертикальными зрачками. Время, казалось, остановилось. Медленное движение лодки, увлекаемой течением, серые стены тоннеля с пятнами светящихся растений *пуго*, низкие каменные своды.

Конан невольно задремал...

— Мы, кажется, приехали, — голос Хепата был хриплым и грустным.

Стало быть, ночь прошла, смекнул Конан и, широко зевнув, взгляделся в полумрак. Они находились невдалеке от берега обширного подземного озера. Своды и стены огромной пещеры терялись в темноте. А вдали, посреди озера, возвышался сверкающий дворец королевы демонов.

Конан долго смотрел на безумное великолепие прозрачных башен, отливающих всеми цветами радуги, на шпили, горящие в полумраке рубиновым светом, на нисходящие к черной воде стены из прозрачного минерала, возможно, горного хрусталя или кварца.

— Помнится, бывали мы в подобном замке — алмазном, — подал голос Хепат.

Глаза у него все еще отливали желтизной.

— Как ни крути, а тот был меньше, — Конан взялся за весло и медленно стал грести. — Возможно, и этот замок — алмазный, любят они этот камень...

Вскоре обнаружилось, что и в озере есть течение. Лодку закручивало, иногда она устремлялась в противоположном направлении, и Конан, работая веслом, с трудом направлял её в нужную сторону. Еще через некоторое время выяснилось, что озеро обитаемо! Из воды то и дело показывались спины огромных животных, лодка наталкивалась на препятствия, которые вполне могли оказаться телами монстров, обитающих в глубине.

«Какие чудовища, какие порождения мрака могут жить в этой ядовитой воде? — думал Конан, зорко глядя вперед. — Какие гнусные демоны, к королеве которых, мы плывем? И, вообще, почему Эскиламп так уверен, что королева поможет? Сам он, как нетрудно догадаться, едва унес отсюда ноги! Видишь ли, они «немного повздорили»!

И все же Конан доверял суждениям волшебника, его знаниям, его осмотрительности и мудрости. Эскиламп уверял, что королева демонов поможет. Вот только плата...

Внезапно вода впереди забурлила и вспутилась. На поверхности, взбивая ядовитую пену,

яростно извивались толстенные щупальца. Казалось, несколько десятков огромных водяных змей сошлись в смертельной схватке.

Конан изменил курс и налег на весло, пытаясь обойти стороной поднявшегося на поверхность монстра. К несчастью, течение в этом месте оказалось сильным, и лодку, несмотря на старания гребца, несло в прежнем направлении.

Положение становилось угрожающим. Конан видел, что встречи с неизвестным обитателем глубин не миновать. Все, что он смог сделать, это слегка отвернуть в сторону от извивающихся, жаждущих добычи щупалец, после чего отложил весло и взял в руки меч. Монстр, заметив добычу, замер, как паук в засаде. Теперь из воды лишь слегка торчали кончики его чудовищных щупалец, напоминавших корни затонувшего дерева.

Но стоило лодке приблизиться, как эти «корни» зашевелились, хищно нацелившись на жертву. Затем, будто с трудом раздвигая тяжелую, черную воду, показалась голова чудовища. Два мутных глаза, величиной с донышко винной бочки, пристально уставились на Конана.

Движение лодки замедлилось. Вероятно, огромная туша гигантского спрута разбивала поток, создавая завихрения, в которые лодка и попала. Несколько черных щупалец, почти незаметных на фоне воды, медленно скользнули по борту. Конан поднял меч, и это словно побудило монстра к действию. Пришли в движение остальные щупальца. Потянулись, ухватились за борт лодки. Конан с трудом остановил замах — он вдруг ясно услышал голос Эскилампа:

— Не шевелись! Спрут видит только то, что движется! Если замрешь — чудовище тебя не заметит.

И действительно, стоило Конану застыть с поднятым мечом, как движения чудовища стали вялыми и неуверенными. Монстр неторопливо ощупал борт в поисках живого, которое виделось ему только в движении, и как бы нехотя погрузился в пучину. Из предосторожности Конан не спешил взяться за весло. Медленно, стараясь не делать резких движений, он вложил меч в ножны и взглянул на кольцо, переданное ему волшебником.

— Пока ты не вошел во дворец королевы, я могу с тобой говорить, хотя это требует больших усилий, — вновь раздался из кольца далекий голос Эскилампа, — потом смогу только видеть... — последние слова прозвучали еле слышно, словно их относило порывами ветра.

Выждав для верности еще некоторое время, Конан взялся за весло. Сверкающий дворец приближался. Виднелась лестница, спускающаяся к воде, несколько лодок, застывших у причала. Конан вновь поймал слабое течение, и вскоре дворец из прозрачного, испускающего свет камня предстал перед ним во всем своем великолепии.

Гладкие, уходящие в глубины черного озера, стены, бесчисленные башенки с рубиновыми шпилями, лестницы, как внутри дворца, так и снаружи — все это сверкало, переливалось всеми цветами радуги, ослепляло сказочной, неземной красотой.

Конан перестал грести, и некоторое время любовался дворцом, как опытный ювелир наслаждается чистым светом бриллианта. Хепат впал в забытье или же просто спал, и Конан пожалел, что гном не может видеть великолепие дворца королевы демонов.

— Да, прекрасное зрелище, — донесся совсем слабый голос Эскилампа, — но поспеши, пока не наступила пора нашему другу превращаться...

Осторожно подведя лодку к плоскому камню-причалу, Конан ступил на него, стараясь не замочить сапог. Затем вытащил лодку, сунул под мышку спящего гнома и направился к прозрачной лестнице.

Никто не вышел ему навстречу — ни рабы, ни воины, ни демоны. Конан поднялся по лестнице до величественной арки. Вход никем: не охранялся. Дверей также не было, и Конан беспрепятственно вошел во дворец. На миг показалось, что он попал внутрь солнца. Глаза слезились. Нестерпимое сияние пульсировало, будто живое существо, лучилось, переливалось всеми цветами радуги.

Прищурившись, Конан сделал несколько шагов и остановился, не зная, в каком направлении двигаться. Прозрачные стены являли взору очертания залов, коридоров, лестниц, переходов и небольших будуаров.

— О чём ты хочешь просить меня, смертный? — раздался голос, подобный нежным переливам флейты.

Конан сглотнул комок, совсем некстати оказавшийся в горле, откашлялся и громко сказал:

— Мой друг стал оборотнем. Я прошу вернуть его... удалить из его крови...

Внезапно стены пришли в движение. Закружила голова. Мимо проплывали прозрачные, словно сотканные из воздуха, лестницы... Возможно, стены и не двигались, а перемещался сам Конан...

Очнулся он в огромном зале с высокими сводами в виде арок и причудливыми резными колоннами, испускающими потоки нежно-голубого света. Сквозь прозрачные стены виднелись черные воды озера — вероятно, зал находился в одной из угловых башен дворца. Высокий, затейливый трон посередине напоминал сверкающий на солнце айсберг. Боль и слезы в глазах мешали разглядеть сидящую на троне женщину.

Внезапно свет потускнел, и Конан увидел, наконец, королеву демонов загадочной страны Эн-Кастер. На троне в свободной позе сидела изящная молодая женщина в ниспадающих белых одеждах. Отстраненная, неземная красота ее бледного лица вызывала скорее грусть, нежели восхищение. Конан напомнил себе: перед ним — не человек, а демон, который может принять любое обличие. Но почему она решила выглядеть как земная женщина? Или все-таки это ее настоящий облик?

Решив отложить выяснение этого вопроса до лучших времен, Конан вновь заговорил о своей просьбе:

— Моего друга, гнома, укусил волк-оборотень... — но королева прервала его капризным, как показалось, голосом:

— Какую цену ты намерен заплатить за его исцеление? — огромные, сверкающие холодом глаза женщины смотрели с вызовом.

— Любую, — без колебаний ответил Конан.

— Готов ли ты ради друга пожертвовать жизнью?

— Готов!

В душе он все же надеялся, что такую плату королева не потребует. Женщина вдруг оказалась рядом. Она с любопытством осматривала мужественную фигуру необычного просителя и даже легкой, как снежинка, рукой коснулась шрама на его подбородке. А Конан только сейчас разглядел, что одежда королевы была воздушной и прозрачной. По сути, перед ним стояла обнаженная женщина с гибким, как у танцовщицы, телом. Невольный вздох воина не укрылся от внимания королевы, и она, вскинув руки, как шаловливая девочка,

сделала несколько танцевальных движений. Конан стоял столбом, все так же удерживая под мышкой спящего Хепата.

Женщина рассмеялась звонким, серебристым смехом и закружилась в невиданном никем из смертных танце. Необычные движения, похожие на плавный, странный ритуал, набегающими волнами размывали сознание Конана, как морской прибой детские песчаные замки. Словно зачарованный, зная, что действует не по своей воле, он положил спеленатого Хепата на пол, снял пояс с мечом, кольчугу...

Оставшись в набедренной повязке, и чувствуя себя невероятно глупо, он стоял, не сводя глаз с танцующей женщины. Королева внезапно остановилась, и Конан почувствовал, что его воля свободна. Чары исчезли. Но что было делать? Броситься одеваться? Смешно и глупо... Киммериец видел, что его осматривают, как товар. Взглядом знатока оценивают фигуру, мышцы, мужественность и красоту воина.

С некоторым вызовом, скрестив руки на груди, Конан стоял молча — спокойный и величественный, ощущая свою силу мужчины и данную ему природой власть над женщиной. Пусть даже эта женщина — королева демонов! Его прекрасное, совершенное тело воина в сиянии дворца отливало бронзой.

— Я излечу твоего друга, но ты будешь моим слугой до тех пор, пока я сама тебя не отпущу! — королева вновь восседала на троне и говорила холодно и высокомерно.

Конан молча склонил голову. Хепат вдруг проснулся и издал душераздирающий вопль. Разрывая веревки, забился в судорогах. На губах его выступила кровавая пена. На миг показалось, что в пульсирующем свете мелькнула тень волка. Метнулась ввысь и растворилась в сиянии. Хепат затих, слышались только жалобные стоны и хриплое дыхание.

— Он здоров, — сказала королева, — теперь он будет спать и во сне охранять твой меч и доспехи. Здесь они тебе не понадобятся.

Гном поднялся и, двигаясь рывками, как марионетка на ниточках, принялся собирать вещи Конана. Королева простерла руку, и он исчез.

— Без меча я чувствую себя голым, — усмехнулся Конан.

И в тот же миг ощутил, что его набедренная повязка исчезла. Обнаженная королева вдруг оказалась рядом, и ее глаза засияли волшебным, неземным светом.

* * *

Служба Конана состояла по большей части в удовлетворении похоти и капризов королевы. Опытный и сильный мужчина, он умел доставить женщине удовольствие и мог ласкать королеву в течении нескольких колоколов подряд или даже всю ночь.

Таким образом, эта часть его работы трудностей не вызывала. Хуже приходилось во время пиров. Королева периодически устраивала в тронном зале долгие и обильные пиршства. Невесть откуда появлялись демоны самых невероятных форм и размеров: огромные, клыкастые и когтистые, как поднявшиеся на задние лапы остриженные медведи, с отвратительными складками кожи на брюхе и под мышками. Но были и небольшие, с хитрой шакальей мордой и телом уродливого горбунна. Встречались демоны-деревья и демоны-камни.

Некоторые и вовсе не имели формы и пребывали в виде клубящейся тучи. Но королева хмурилась, и Не Имеющий Формы, поспешно уплотнялся в некое подобие человека, после

чего чинно сидел за столом, ел и пил наравне с другими.

Во время пиршества Конан обязан был стоять, скрестив руки, у подножья трона. И, что хуже всего, иногда его заставляли вступать в рукопашные схватки с особо буйными демонами.

Королева взмахом руки удаляла когти и клыки у одного из гостей и превращала его в некое подобие человека — уродливого, с огромными кулачищами, бычьей шеей и ногами-тумбами.

Конана выручала ловкость и быстрота. Силой он всегда уступал демону, но, непрерывно двигаясь, ускользал от медвежьих объятий чудовищ и с неожиданных позиций наносил сокрушительные удары в челюсть, в висок или затылок противника. После этого туша демона медленно уплывала из зала, а Конан с непроницаемым лицом равнодушно слушал одобрительные выкрики пирующих. Во время подобных схваток королева трепетала от страсти, и после каждой победы заставляла Конана заниматься с ней любовью прямо на троне, под завистливый вой пирующих чудовищ.

Затем Конан вновь стоял у трона, скрестив руки. Он надеялся, что скоро надоест королеве, и она отпустит его и Хепата восвояси. Может быть, даже наградит за усердие.

Если не считать пиров и гладиаторских схваток, жизнь во дворце текла однообразно. Королева часто и надолго исчезала, вероятно, вершила дела на местах, и тогда Конан отсыпался. Выспавшись, закатывал длительные пиры. Благо вино и еда появлялись сами собой. Не требовалось даже просить — дворец, казалось, сам знал, какое вино и какую закуску сегодня предпочитает воин. Конан входил в тронный зал — перед ним возникали прозрачные стол и скамья. Он садился, и появлялись яства. Воин ел и пил вволю, и единственным, чего ему не доставало, было общества Хепата, но все попытки найти его оказывались безрезультатными.

Долгими часами бродил Конан по дворцу в надежде запомнить расположение залов, лестниц и коридоров, составить в уме план, и, может быть, найти друга. Но дворец был переменчивым, как осенняя погода в горах. Ни разу Конан не побывал дважды в одном зале, за исключением тронного, да и тот все время оказывался в новом месте. Потом появлялась королева, и все повторялось — пиры, схватки, любовь...

* * *

Конан скучал по обычному столу. Рассеянно оглядывая возникающие перед ним яства, он вспоминал харчевни Шадизара с их пестрой, многоголосой толпой, ссорами, драками и терпким, дешевым вином.

В сияющем тронном зале, с возникающим из воздуха дорогим вином и изысканными закусками, ему не хватало простоты и незатейливости трактира толстого Асланкариба. Шума, гомона, смеха простого ремесленника или наемника, выпившего за один присест хороший кувшин вина. Конан знал, конечно, что, оказавшись в трактире, будет с грустью вспоминать изысканные угощения волшебного дворца. Но такова уж природа человека — только потеряв, он начинает понимать ценность того, что имел.

На сей раз, королева появилась прямо перед ним. Подняв все еще затуманенный воспоминаниями взор, Конан увидел позади нее высокого стройного юношу с ниспадающими на плечи белыми, как снег, волосами. Отстраненная красота лица выдавала в

нем существо иной, нежели человек, породы.

«Полукровка», — почему-то подумал Конан, наблюдая за плавными, даже нежными движениями юноши.

— Твоя служба, Конан, близится к концу, — с усмешкой сказала королева. — Остается последнее испытание. Сумеешь победить — будешь свободен, вместе со своим другом. Проиграешь — не взыщи!..

Чувствуя тяжесть в голове от выпитого вина, а в желудке — от съеденного мяса, Конан молча встал и подошел к юноше. Слишком молод, слишком легок, наверное, быстр в движениях, но неопытен...

Новый любовник королевы — в этом Конан не сомневался — стоял спокойно, только глаза его внезапно налились кровью.

Сияние в зале усилилось, и Конан на миг зажмурился. Королева явно подыгрывала своему любимчику.

— Вначале верни Хепата, хочу, чтобы он видел бой! — Конан спокойно смотрел в глаза той, что еще недавно замирала в его объятиях, а теперь всем своим видом демонстрировала брезгливость и даже, похоже, ненависть.

Королева щелкнула пальцами, и в зале появился Хепат, прижимая к груди меч и доспехи друга. В глазах — тревога. Он уже не спал, ясно понимая, что будет наблюдать за смертельной схваткой на потеху женщине-демону.

— Не вздумай его убить, Конан, — зло сказала королева. — Твоя задача — победить, не убивая!

— Разве такое возможно?

— Постарайся! Иначе не жить ни тебе, ни твоему другу!

Юноша вдруг завыл. Тихо, заунывно. Широко открыл рот и вытянул шею, как взлетевший на плетень петух, собирающийся кукарекать. От его красоты не осталось и следа. Теперь перед Конаном: стоял вурдалак с горящими кровавыми глазами, искаженным потусторонней злобой лицом и торчащими из слюнявой пасти клыками.

Киммериец усмехнулся, и королева посмотрела на него с ненавистью. Вой мерзкого упыря перешел в свист, от которого заложило уши. Конан шагнул вперед и занес кулак для удара. Но противника на месте не оказалось. Размытое, смазанное движение — и удар со спины. Воину показалось, что в поясницу со всего ходу врезалась телега с грузом. Мигом повернувшись, он отскочил в сторону, избежав еще одного коварного удара в спину. Быстрота противника была невероятной. Глаз не мог уследить за его перемещениями, виделись только белесые полосы размазанных световых пятен. Конан вновь ощутил удар по почкам, затем еще и еще. Ну и подлая же тварь! Пользуясь нечеловеческим умением мгновенно перемещаться, он будет бить в спину до тех пор, пока... Об этом не хотелось даже думать. Не хотелось представлять, во что превратится его спина через несколько минут.

Если в схватках с демонами Конана спасала быстрота и ловкость, то теперь могла помочь только сила. В скорости он полностью уступал необычному противнику. Его нужно схватить! И тогда он не сможет порхать за спиной, как мотылек вокруг свечи!

Изменив тактику, Конан попытался поймать увертливого вампира. Он прыгал из стороны в сторону, стараясь предугадать, где противник окажется в следующее мгновение, чтобы ухватить, сжать, раздавить его тонкие кости! Морщась от боли в спине, на которую продолжали сыпаться удары, Конан метался, надеясь хотя бы случайно столкнуться с юношей. Но вурдалак, казалось, растворился в воздухе. И только саднящая боль напоминала

о том, что он все еще кружит неподалеку и наносит коварные, предательские удары. Конан, рассыпая проклятия, продолжал неожиданно прыгать в стороны, нырять, согибаться, крутиться юлой и, наконец, столкнулся с невидимым противником, успел вцепиться в его холодную руку. Вурдалак взвыл, пытаясь вырваться. Но Конан с рычанием сжал пальцы, чувствуя, как хрустнули под ними тонкие кости упыря. Затем раскрутил его, как прашу, и со всего маху приложил об пол.

Эхо прокатилось по залу. Закричала королева. Что-то торопливо говорил Хепат. Вурдалак, вновь став прекрасным юношей, без движения лежал на полу.

— Ты!.. Ты убил его! — рыдала королева, — убил моего сына! Ты умрешь за это!

— О, Кром! — воскликнул Конан, — я же не знал!..

Хепат тянул за руку, показывая на меч и доспехи.

— Скорее! Одевайся, бежим!

Королева исчезла вместе с телом сына. Свет вспыхнул с такой яростью, что Конан почти ничего не видел. Хепат помог надеть доспехи и пояс с мечом.

— Сейчас она вызовет демонов! Бежим!

— Да куда бежать?! — Конан яростно выругался. — Я пытался найти выход!..

— Я знаю! — кричал Хепат. — Мне рассказал Эскиламп... во сне!..

Спотыкаясь и рыча от досады, гном побежал прочь из тронного зала. Широким шагом Конан двинул следом, от души надеясь, что подсказки волшебника Хепату не приснились. Они, конечно, именно приснились, но, как утверждал гном, по воле Эскилампа.

Сияние пульсировало в такт биению сердца. Прозрачные стены пришли в движение. Замок пытался поймать и раздавить ненавистных смертных, один из которых осмелился убить сына королевы.

Хепат, окончательно очнувшись от колдовского сна, уверенно находил дорогу. Прошли несколько сверкающих залов, пробежали, ныряя под сжимающиеся арки, через пульсирующие коридоры. Не обращая внимания на появляющиеся и исчезающие лестницы, переходы и залы, Хепат твердо держался нужного направления.

— Скоро! Скоро выход! — гном с утроенной энергией бросился вперед и... остановился в страхе и замешательстве.

Посреди очередного сверкающего зала возвышалась огромная, косматая фигура. Демон стоял неподвижно, как скала, вытянув кривые лапы с длинными, обломанными когтями. В целом он походил на недавнего знакомого — пещерного медведя. Только в отличие от заросших шерстью медвежьих глаз, огромные, как плошки, кровавые очи демона горели неугасимым рубиновым огнем.

Поросшее бурым медвежьим мехом брюхо свисало к самому полу, превращая фигуру чудовища в подобие каменного истукана. Из-под брюха торчали коричневые ступни, увенчанные расслоившимися и тоже обломанными когтями. Очевидно, демон не был молод. Но старость не превращала его в слабого противника, скорее, наоборот — опыт всегда много значил в схватках.

Обнажив меч, Конан подошел к чудовищу. Хепат, как и положено оруженосцу, находился чуть позади.

— Королева хочет, чтобы я убил тебя в поединке, — раздался громовой рык, в котором с трудом можно было разобрать слова. — Она запретила мне использовать волшебную силу демона. Я должен убить тебя так, как ты убил ее сына.

— Я не знал, что сражаюсь с сыном королевы, и убил его ненамеренно, она должна это понять, — спокойно сказал Конан.

— Она поняла, — рявкнул демон, — иначе ты давно превратился бы в кучу пепла! А теперь тебе будет дарована смерть в бою! Цени это, жалкий кусок свежего мяса!

Демон пошевелился, и его огромная туша внезапно оказалась рядом. Только когти царапнули по сверкающему полу! Теперь Конан находился в пределах досягаемости кривых лап. Хепат незаметно стал заходить сбоку. Пальцы его сжимали рукоять фамильного кинжала.

Демон не обращал внимания на передвижения гнома. Кровавые глаза, полыхая ненавистью, неотступно следили за Конаном.

— Ты умрешь, и душа твоя вечно будет мучиться там, куда я ее унесу! Вечно!

Левая лапа чудовища вдруг с такой быстротой устремилась вперед, что Конана спасла только его реакция. В последний момент он успел нырнуть под когти и отпрыгнуть в сторону. Демон был опытным бойцом и теперь совсем не походил на каменного идола. Под кожей, поросшей бурой шерстью, перекатывались огромные, как удавы, мышцы. Бугрились, переплетались, вздувались.

Конан, нарочито растягивая слова, сказал: «Ты быстрее, чем я думал...»

Быстрыми, скользящими шагами он приблизился к демону и вонзил меч в его отвисшее брюхо. Но, отпрыгнув на безопасное расстояние, с тревогой заметил, что крови на клинке не было. Меч вошел в складки кожи демона, не причинив ему ни малейшего вреда.

— Жалкий смертный, — прорычало чудовище, — мою шкуру не проткнешь этой маленькой игрушкой!

Демон отрывисто залаял, что означало, очевидно, смех. Затем зарычал, и его косматые лапы пришли в движение. В любой момент Конан мог попасть под удар. Приходилось непрестанно уклоняться, отпрыгивать в сторону, даже отбегать, но демон двигался вперед с проворством, которого трудно было ожидать от такой туши. Всякий раз он оказывался рядом, и его кривые лапы мелькали с неимоверной скоростью.

Непрерывно двигаясь, киммериец пытался обойти врага или хотя бы оказаться сбоку, но неизменно видел перед собой мохнатые лапы с обломанными когтями, отвисшее брюхо и красные, горящие ненавистью глаза. Рано или поздно демон сумеет зацепить увертливого противника, и участь его будет решена...

Улучив момент, Конан нанес рубящий удар по нависшей над ним огромной, кривой лапе. Клинок отскочил, как от камня, едва не вывернув киммерийцу руку. Оставалась последняя надежда — красные глаза демона. Но чтобы пронзить мечом глазницу, требовалось подойти к чудовищу на близкое расстояние. А значит, вероятнее всего, попасть под удар страшной когтистой лапы!

И тут Конан заметил, что на шерсти демона повис Хепат. Незаметно зайдя сзади, он ухватился за бурые, свалившиеся волосы и теперь пробирался выше, намереваясь, очевидно, добраться до головы и глаз чудовища. Почувствовав присутствие чужака, демон попытался зацепить его лапой. Конан немедленно сделал выпад и погрузил клинок в подмышечную впадину чудовища. На сей раз кончик меча оказался окрашен черной кровью.

Значит, демон уязвим! Стремясь отвлечь его от Хепата, Конан стал нападать яростнее.

Теперь лезвие меча мелькало перед глазами демона, как крылья ветряной мельницы. Хепат уже сидел на косматой шее, и его кинжал искал глаза чудовища. Заревев, демон ухватил гнома обеими лапами, вонзил кривые когти в его маленькое тело и с размаху швырнул на пол. Но меч Конана уже наполовину вошел в его кровавый глаз.

Страшный рев потряс сверкающий дворец. Сияние вспыхнуло ярче, затем неуверенно замигало и окончательно померкло. В нормальном свете воин увидел бьющееся в судорогах чудовище и неподвижного, истерзанного страшными когтями, окровавленного Хепата.

Конан метнулся к демону и несколько раз вонзил меч в другой глаз. Затем медленно подошел к неподвижному телу гнома. Упав на колени, припал к груди маленького друга. Сердце Хепата не билось. На страшных, рваных ранах уже запеклась кровь. Рука все еще сжимала резную рукоять фамильного кинжала. А в глазах навеки застыла боль.

Заревев, Конан бросился к содрогающемуся в последних корчах демону и стал рубить, колоть, снова рубить его отвратительное, поросшее медвежьей шерстью тело. Сколько времени продолжалось это безумие, киммериец не помнил.

Очнулся он, заметив в стороне королеву, пристально и печально наблюдавшую эту сцену последней мести поверженному врагу, отнявшему дорогое друга. Тяжело дыша, Конан медленно опустил испачканный черной кровью меч. Не сводя сверкающих глаз с королевы, механически вытер клинок о бурью шерсть демона и вложил в ножны.

— Я потеряла сына, — тихо сказала королева, — ты потерял друга, ради спасения которого согласился служить мне, удовлетворяя все прихоти и капризы.

Конан молчал, и в синих глазах его медленно закипали слезы.

— Я не должна была уступать просьбе сына сразиться с тобой... Я сама виновна в его гибели... И в гибели твоего друга...

Рядом с телом Хепата засверкал всеми цветами радуги прозрачный горшок, наполненный драгоценными камнями.

— Прими мой прощальный дар...

Но Конан, не обращая внимания на сверкающее сокровище, поднял окровавленное тело друга и, бережно прижав его к груди, направился к выходу.

* * *

Увлекаемая течением лодка медленно двигалась среди темных вод подземного озера. Конан все еще прижимал к себе холодное тело Хепата, и в глазах его, все так же, голубыми льдинками, сверкали слезы. Только теперь он понял, чем был для него этот маленький преданный пьяница. Хепат незаметно избавлял Конана от одиночества. Разделял с ним радости и беды, ненавязчиво помогал пережить неудачи и огорчения, столь частые в этом несовершенном мире. Его почти незаметное присутствие стало чем-то обыденным, привычным, как меч на поясе, как кинжал под рукой. А теперь Конан вновь остался один. И горьким будет отныне его одиночество! Он припомнил, как в юности наблюдал со скалы за встречей волка-одиночки с небольшой стаей — местным выводком, ведомым старой волчицей...

Огромный, сильный волк, в каждом движении которого чувствовалась мощь и необузданная природная свирепость, сохраняя поистине царское достоинство, принимал знаки почтения от членов случайно встретившейся стаи. Первой, виляя хвостом, подошла

волчица. Обнюхав громадного чужака, шаловливо отпрыгнула, приглашая к любовной игре. Но одиночка, которого с радостью приняла бы любая стая, не обратил внимания на ухаживания самки. Он неподвижно стоял, пока остальные волки — драные и облезлые — как щенята, подползали на брюхе выразить покорность гордому великану.

Волчица вновь играво ткнулась мокрым носом в шею чужака, который мог бы подарить ей щенят невероятной силы и выносливости. Сделать, таким образом, ее стаю самой сильной в округе. Но великан предпочел одиночество. Гордо подняв голову, он шагнул в сторону, оглянулся в раздумье, затем решительно заскользил вверх по распадку, легкой тенью огибая валуны и вековые сосны. Ему не нужна стая. Он всегда был один. Он навечно останется гордым волком-одиночкой!

Даже издали Конан услышал, как тоскливо заскулила волчица. Как затем жалобно завыла, и этот вой подхватила стая, потерявшая возможность заиметь вожака, который мог бы приносить ей много, много кровавой пищи.

Он, Конан, и был таким гордым волком-одиночкой! И теперь, после смерти маленького друга, останется им навсегда. Навсегда...

8

Эскиламп, зная о смерти Хепата, встретил Конана с болью в глазах. Молча принял холодное тело, бережно опустил на траву. Конан оттолкнул лодку, и она, увлекаемая волшебным течением, исчезла в тумане, который окутал вдруг сверкающий дворец королевы демонов Эн-Кастера.

— Где мы его похороним? — Эскиламп отвернулся, скрывая слезы.

— Только не здесь... В горах... На вершине. Или в пещере, он ведь был гном... пещерный житель, хоть и привык жить среди людей.

— Я знаю хорошую, сухую пещеру... Ему бы там понравилось. Тело его останется нетленным, и он вечно будет смотреть на столь милые его сердцу цветные сталактиты.

Завернув тело Хепата в одеяло, Конан сел позади Эскилампа на крылатое чудовище с красивым именем Гэландр. Пощелкав зубастой пастью, ящер расправил крылья и взмыл в голубую высь.

Пещера действительно была красивой и сухой. Легкий сквозняк шевелил бороду гнома, когда Конан бережно усадил его на камень, прислонив к стене так, чтобы он «видел» освещаемую солнцем часть пещеры. Разноцветные сталактиты играли бликами света, рассыпая по сторонам солнечные зайчики. Вкрапления кварца в стенах сверкали всеми цветами радуги. Но не радовало друзей великолепие последнего пристанища Хепата. Слезы застилали взор сурового киммерийца. Боль стояла в глазах Эскилампа. Молча простившись с маленьким другом, Конан, неслышно ступая, вышел из пещеры. Эскиламп вполголоса прочитал несколько заклинаний, начертывая в воздухе дымящийся охранительный знак и также тихо покинул вечную обитель последнего гнома из клана славного царя Вармина.

* * *

Конан и Эскиламп сидели у волшебного костра, неугасимое пламя которого радостно

раздвигало нависший полог ночи. По молчаливому уговору о погибшем друге старались не говорить. Пройдет время, немного утихнет боль и тогда, при встрече, можно и нужно будет вспомнить маленького оруженосца и поднять наполненные до краев кружки за упокой его мятежной души.

Конан смотрел на пламя и вспоминал дни, проведенные во дворце. Схватки с демонами, ласки королевы, обильные застолья... Эскиламп, пытаясь отвлечь друга от грустных мыслей, уже давно рассказывал что-то о секретах колдовства и заклинаниях.

— Я скажу тебе, Конан, одну вещь, за которую меня подвергли бы ostrакизму мои собратья по ремеслу, если бы сейчас услышали. На мой взгляд — а я думаю над этим очень давно — заклинания и ритуалы сами по себе ничего не значат!

Конан с удивлением посмотрел на друга. Не моргнув глазом, маг опровергал все то, чем занимались его собратья в течение тысяч лет! Ритуалы — ничего не значат?! Но ведь именно в них и заключается суть колдовства! Именно заклинаниям и ритуалам обучаются в первую очередь помощники и ученики колдунов!..

Эскиламп между тем продолжал тихим, печальным голосом:

— Все эти долгие ритуалы и заклинания просто помогают мозгу восприимчивого человека настроиться на нужный лад, испускать нужные волны... — он невесело рассмеялся. — Вот представь, что сидишь у пруда и тихонько бьешь по воде палочкой. По поверхности расходятся волны... Но если палочка на конце раздваивается, и по воде ударяют сразу два конца этой рогульки, то волны как бы останавливаются... Они будут стоять до тех пор, пока ты будешь мерно, через равные промежутки, постукивать палочкой по воде...

— Мне даже в детстве не приходило в голову стучать палкой по воде, — усмехнулся Конан. — Но я тебе верю, хотя и не могу представить волны, которые бы не расходились, а стояли. Так это и есть волшебство?

— Примерно так работает мозг волшебника, когда он читает заклинания: непрерывно испуская стоячие волны. Тогда воздействие более длительное.

— Стало быть, заклинания — это твоя палочка с рогулькой на конце?

— Вроде того... Мозг долбит и долбит реальность стоячими волнами и в конце концов изменяет ее! А ритуалы просто помогают сосредоточиться. Особенно если участвует толпа!..

Глаза волшебника засияли.

— Если с помощью ритуала удается направить мысли-волны по нужному пути... Такая сила способна породить многое!..

Конан невольно нахмурился:

— Может, лучше вообще ничего не порождать? Оставить это богам?

— Не всегда... — вздохнул Эскиламп. — Мы обязаны воздействовать на этот мир, хотя бы для того, чтобы его безраздельно не захватили силы зла.

Некоторое время оба молчали. Колдун поворотил сучья в костре, и веселые искры взметнулись к звездам.

— Но я ведь и сам читал заклинания, — сказал Конан. — И они срабатывали, хоть я и не волшебник!

— Они настроили твой мозг на нужную волну. Но у волшебника получилось бы еще лучше.

— У меня тоже получалось неплохо, — проворчал Конан.

Эскиламп не стал спорить. Задумчиво кивнул, пристально глядя на огонь.

— Ты ведь, Конан, тоже пытаешься изменить мир к лучшему — с помощью меча!

— Не знаю... Я просто брошу по земле в поисках лучшей доли. Ничего я не хочу менять. Да и не в силах я ничего изменить на этой земле!

Пляски огня в волшебном костре отодвигали стену ночи с ее звуками и мечущимися тенями. Изгибающиеся языки пламени вновь напомнили Конану гибких танцовщиц, исполняющих любимый во всех странах танец живота.

Ночь незаметно уступала место зарождающемуся дню. Где-то за горами вставало солнце, мягко, но настойчиво оттесняя темноту в глубокие ущелья и бездонные пропасти, которыми так богаты великие Карпашские горы.

Ник Харрис

На шумной базарной площади Шадизара, среди гудящей, пестрой толпы торговцев и покупателей с отрешенным видом сидел, скрестив ноги, старик-дервиш. Длинная седая борода благочинно ниспадала на грудь. Худое морщинистое лицо выражало спокойную умиротворенность. Казалось, усталый странник после долгих мытарств возвратился, наконец, домой. Возможно, так оно и было. Грудь старика равномерно вздымалась и опадала, глаза были закрыты. Дервиш спал... Или грезил? Или глубоко задумался о вечной суете бренной жизни? В любом случае, дух его витал очень далеко от шумной площади Шадизара.

Возможно, на сияющих вершинах он вел нескончаемые беседы с бессмертными мудрецами, живущими среди недоступных высот великих гор, раскинувшихся в далекой Венции? Или, в совершенстве постигнув недоступное простым смертным искусство волшебного экстаза самадхи, общался с грозными богами и прекрасными, светлоликими богинями? Или, пока уставшее тело его застыло в позе лотоса посреди базарной площади, предавался неистовой любви с вечно юными нимфами?

Те из многоголосой шумной толпы, кто равнодушно скользил взглядом по фигуре дервиша или бросал ему на колени медные монетки, ничего о том не знали. Не могли знать... В лучшем случае, они смутно догадывались о внутреннем богатстве старика, о его мудрости и поистине волшебной способности по своему желанию отделять бессмертный дух от бренного тела.

Высокий, широкоплечий воин с темным от загара лицом и гривой черных спутанных волос в раздумье остановился перед дервишем. В сверкнувших неожиданной синевой глазах зажглось любопытство. Воин бросил на колени старику несколько серебряных монет и тронул его за плечо.

— Я давно жду тебя, Конан, — ясно сказал дервиш, — мне нужно многое рассказать тебе...

— Кто ты? Откуда знаешь мое имя?

Но старик вновь закрыл глаза, и, казалось, заснул. Только изрезанное морщинами, иссущенное ветрами лицо выдавало напряженную работу мысли. И в голове Конана неожиданным фейерверком вспыхнули яркие видения.

Единым мигом промелькнуло прошлое, неясными тенями предстало грядущее. Образы теснились, кружась, будто в смутном хмельном сне.

Виделись знакомые лица, злобные оскаленные пасти демонов, трон в огромном зале, кровавые битвы и веселые пиры, боги с головами зверей, череда мертвых воинов, уходящих в туманную, призрачную даль...

Старик задрожал от напряжения, и перед Конаном предстала Книга. Сами собой перелистывались страницы, открывая взору таинственные знаки неведомых смертным печатей, древние тексты, написанные кровью на давно забытом, мертвом языке.

Дервиш прошептал несколько слов, и Конан содрогнулся, ясно увидев ближайшее будущее и то, что он должен сделать.

Заросший до самых глаз черной кучерявой бородой, человек стоял на вершине холма, воздев руки. Луна, словно саваном, укрытая дымкой, мертвенным светом освещала его застывшее, бледное лицо. Ветер трепал темный плащ, заползая холодными щупальцами в широкие рукава, швырял в лицо горсти мелких песчинок — человек не обращал на это внимания. Нависшие над глазами мохнатые брови сошлись на бугрящейся складками переносице. В свете полной луны неподвижная фигура с поднятыми руками казалась высеченной из черного камня. Длинная тень, сползавшая по склону холма, причудливо шевелилась, хотя человек стоял неподвижно. Небольшие смерчи, то и дело зарождавшиеся вокруг, скатывались по склону и тихо умирали, так и не набрав силы.

Почти не разжимая губ, человек стал произносить странные, изломанные слова. Чуждая человеческому слуху речь гулко разносилась над большим плоским камнем, венчавшим вершину холма. В черном небе внезапно появилась стая нетопырей. Призрачными ночными тенями носились они над непокрытой головой человека, почти задевая крыльями его развевающиеся волосы. Слова заклинаний звучали все более глухо. Казалось, исходят они не из уст говорящего, а из-под плоского камня, укрытого мрачными тенями, несмотря на то, что в небе оскаленным черепом сияет луна.

Человек запрокинул голову, выкрикнул, словно каркнул, последнее слово и исчез. Только смерчи продолжали кружиться на опустевшей вершине, да луна осветила, наконец, плоский, похожий на гроб камень с выдолбленным посредине чашеобразным углублением.

Глубоко задумавшись, Конан сидел за выскобленным добела столом в харчевне толстого Асланкариба. Мальчик-слуга то и дело наполнял вином быстро пустеющую кружку, приносил лучшие куски копченого мяса. Свободные на данный момент жрицы любви нарочито громко смеялись, надеясь привлечь внимание воина, который хоть и не часто прибегал к их услугам, но платил всегда щедро.

Кивком Конан подозвал хозяина. Масленые глазки Асланкариба беспокойно забегали. Если киммериец бывал чем-то недоволен...

— Что ты знаешь о Книге Черных Врат? — не взглянув на трактирщика, спросил воин.

Асланкариб облегченно вздохнул. Почесал лоснящийся подбородок. На всякий случай протер чистой тряпкой стол, где блестели капли вина.

— Книгу эту мало кто видел... По слухам, она написана древними богами. Хранитель ее — великий мудрец и вечный скиталец Ниаматар, заклинатель демонов. Некоторые считают его богом. Иногда он является тем, кто избран и показывает книгу... — хозяин осекся.

Со страхом и любопытством посмотрел на сидящего перед ним воина и тихо сказал:

— Тебе показали книгу?.. Ты встретил Ниаматара? Где? Что он сказал?

Конан взглянул на перепуганного трактирщика. В синих глазах мелькнул недобрый огонек.

— Держи рот на замке! И забудь о том, что я спрашивал!

Асланкариб почтительно поклонился и, качая головой, отшел. Конан вспомнил, что

сказал на прощанье старик-дервиш.

«Не пытайся помешать ему. Лучше найди хорошего колдуна в помощь и готовься к походу».

Да, таковы были последние слова Ниаматара. После чего он просто исчез. Не осталось даже следов на том месте, где сидел этот загадочный старик. А то, что показала Книга... Нет, об этом лучше не думать. Нужно найти Колдуна... Есть, конечно, колдун. Очень хороший — Эскиламп, да только живет неблизко. Пока доедешь — княжну похитят...

Несмотря на предупреждения хранителя Книги, Конан все же решил попытаться помешать похищению одной из красивейших девушек Шадизара. Потому что после похищения с ней будут происходить ужасные вещи... Она изменится... Все это показала Книга.

Нужно кого-то послать за Эскилампом! Ехать самому — значит отдать княжну Ониксию на поругание. Даже хуже — на изменение...

Конан помнил красавицу-княжну, дочь одного из самых богатых работников Шадизара. В сопровождении охраны Ониксия проезжала на белом скакуне по шумным улицам города, и перед ней, перед ее божественной красотой, склонялись и ремесленники, и знать, и грубые воины-наемники, и богатые купцы. Даже он, Конан, однажды поклонился, как все, когда заметил любопытный взгляд девушки, брошенный из-под полуопущенных ресниц на его громадную, резко выделяющуюся в толпе фигуру. Капитан личной охраны княжны — бretонец Бруккис, с которым Конан выпил не один кувшин вина в тавернах Шадизара — тогда с усмешкой покачал головой и подмигнул.

Нужно его найти, Бруккиса, предупредить. Попытаться спасти княжну.

В глазах Конана вспыхнуло видение. Огромная пещера, освещаемая чадящими факелами, клубы синего дыма под черными сводами, уродливые рогатые существа, с воем пляшущие вокруг алтаря с распростертой на нем обнаженной женщиной... И ожидание... Кто-то должен явиться... Некто могучий и ужасный. И тогда...

Это был один из вариантов того, что должно произойти. Другие были не лучше. Все они пронеслись туманными и кошмарными видениями. Связанная княжна в тесной пещере в ожидании ползущего к ней страшного существа... Княжна, подвешенная за ребро на огромный крюк... Прелестная голова Ониксии, ставшая уродливой и рогатой... Распухающее на глазах тело княжны — не то умершей, не то еще живой...

Конан тряхнул головой, прогоняя видения. Проклятая Книга! Показанное навечно запечатлевлось в памяти. И не сотрет эти ужасные сцены ни вино, ни время...

Ни в одном видении не было показано спасение княжны. И все-таки нужно попытаться...

* * *

Чернобородый, не отрываясь, смотрел на мутно-прозрачный камень величиной с крупное куриное яйцо. Внутри клубились туманы, маревом дрожали неясные силуэты. Тени странных горбатых и рогатых существ торопливо перебегали из угла в угол огромной черной пещеры, контуры которой дрожали и расплывались в тусклом свете факелов.

— Не показывается! — взревел чернобородый, — он все еще не показывается!

Резким движением ладони он смахнул со стола камень. В чаше, сделанной из черепа

ребенка, злобно замигал фитиль, пропитанный шакальным жиром. Несколько черных кошек, наблюдавших желтыми глазами за хозяином из угла комнаты, заорали мерзкими, скрипучими голосами. Заухала сова на чердаке. Заплясали сами собой колченогие табуретки, задрожали ножки дубового стола, за которым сидел разгневанный колдун. Странные шорохи донеслись из глубокого погреба, в который чернокнижник бросал мертвых, обескровленных людей после проведения нужных ритуалов. Загрохотал вдали гром, завыл за окном ветер.

Но колдун поднял руку, и все стихло. Устало и задумчиво погладил он кудрявую бороду. Его крупный крючковатый нос внезапно сморщился, толстые мокрые губы раскрылись в подобии улыбки, обнажая длинные, ослепительно белые, острые зубы. Несколько лающих звуков разорвали внезапно наступившую тишину.

— Ничего, — все еще смеясь, прошептал колдун. — Ничего... Мы подождем. Он придет. Обязательно придет! Не может не прийти, если сам выбрал жертву...

Кошки, почувствовав перемену настроения хозяина, терлись о его заросшие шерстью ноги и мурлыкали. Одна даже игриво поскребла коготками по копыту.

2

Горшечник Ихарп, тощий и суеверный, в смущении потирая ладони. Конечно, он, Ихарп, верный друг и слуга Конана. Когда-то великий воин Конан спас его, Ихарпа, ничтожную жизнь... И он, Ихарп, и жена его, и дети — все благодарны. Но отправляясь в горы на поиски волшебника... Да найдет ли он того волшебника?.. Да не убьют ли его, Ихарпа, кровожадные бандиты-горцы?.. А если не убьют, и если найдет... Согласится ли великий волшебник выслушать его, простого ремесленника, поедет ли с ним?.. А дома — жена, дети... Кто их станет кормить, пока он, повинуясь приказу друга, будет ползать по горам?..

Конан молча бросил на стол несколько серебряных монет. Горшечник опять потер ладони, но уже более энергично. Да, этого, конечно, хватит... Ему и за год не сделать столько горшков, чтобы заработать такие деньги!.. Вот только бандиты-горцы...

— Они нападают на караваны! — нетерпеливо сказал Конан. — Ты можешь их не опасаться! Что с тебя взять?!

— Да-да, конечно... — Ихарп торопливо закивал, незаметным движением сгребая со стола монеты. — Но моя лошадь... Она, конечно, старая кляча, но кто знает этих горцев...

— У горцев прекрасные скакуны! Твою кобылу они не возьмут даже на мясо! Тем более, на мясо! Для этого они специально выращивают мясных лошадей... ну и баранов, конечно!

Ихарп вынужден был согласиться.

— Все это так... Вот только моя жена привыкла, чтобы я еженощно ублажал ее плоть... Как же она останется без мужской ласки?..

Тут уж Конан не выдержал и расхохотался.

— Я найду на базаре пару нищих! Они будут рады ублажать твою любвеобильную супругу!

— Нет-нет, не нужно нищих... Если сам Конан не желает, то уж пусть она потерпит... Тем слаще будет встреча! Но, вообще-то... его жена хороша собой и довольно молода. Любой мужчина с удовольствием согласился бы проводить с ней все ночи...

Конан вспомнил тошную, жилистую женщину, выглядевшую почти старухой.

— В эти дни мне будет не до женщин. Нужно обеспечить надежную охрану княжны!

— Ну, конечно, конечно... Ихарп все понимает... Красавица-княжна — это не то, что его жена... Но, с другой стороны, княжна — молода и неопытна, а вот его жена!..

Потеряв терпение, Конан грохнул каменным кулаком по столу. После этого горшечник больше не вспоминал ни о жене, ни о разбойниках.

Спустя колокол он, нагрузившись провизией, выехал на старой кляче в направлении Карпашских гор.

* * *

В распадке, меж двух поросших вековыми соснами холмов, притулилась ветхая хижина. Просевшая, крытая замшелым дерном крыша грозила вот-вот рухнуть. Стены, таясь в тени сосен, поросли грибами и покрылись плесенью. Затянутое бычым пузырем окно почти не пропускало света, а покосившаяся дверь — не закрывалась.

Но живущему в хижине козлоногому колдуна и не требовался свет — темнота была его стихией. А запирать дверь и вовсе не было необходимости: никто из местных жителей не рисковал даже приблизиться к его мрачной обители.

Звери и хищные птицы служили ему. Волки приносили задранных коз и оленей, совы и филины — кроликов и зайцев. С ревом голодного зверя впивался он в теплое парное мясо, рвал зубами, жадно глотал, давился, отрыгивал и снова глотал уже побывавший в желудке полупереваренный вонючий кусок. Затем, насытившись, дремал, растянувшись на лежанке, а кошки слизывали шершавыми языками кровь и жир с его мокрых толстых губ.

Отец его был обитатель лесов — сатир, а мать — злая ведьма, жившая в небольшом селении, где свирепые, кровожадные горцы боялись ее, как огня. И когда пришла пора колдунье зачать ребенка, чтобы передать ему черные знания, никто — ни один житель селения — не смог заставить себя лечь с ней в постель. Она грозила страшными караими, она сулила богатство, обещая открыть места, где хоронились клады — ни один горец не решился коснуться ее холодного тела, ибо, по слухам, ведьма давно умерла, и только колдовство поддерживало эту противоестественную жизнь медленно гниющего трупа.

И тогда поковыляла колдунья в сумрачные леса, взывая к мерзким тварям, таящимся от солнца в сырых распадках. Зычно и сладострастно завывала она, томимая жаждой совокупления. Но и звери, и твари лесные бежали, учтя ее гнилостный запах. Наконец нашелся один старый, глухой и слепой сатир, позволивший ведьме совершить с ним отвратительный, противоестественный акт слияния мертвого человека и умирающего повелителя зверей.

Так ведьма зачала козлоногого. Родился он с кучерявой бородой и покрытыми шерстью ножками, на конце которых поблескивали слизью маленькие копыта. Быстро осваивал сын мертвой колдуньи премудрости чернокнижья. Заклинания и заговоры запоминал с первого раза, а колдовские чертежи и знаки, казалось, были ведомы ему еще до рождения.

И когда настала пора, мальчик-сатир, как и положено черному колдуну, убил свою мать: произнес заклинание, уничтожающее ее чары. И улыбаясь мокрыми губами, смотрел, как вздувалась, всучивалась червями и распадалась ее плоть, как рассыпались в прах кости, растекалась мерзкой лужей ее черная кровь. А потом ушел жить в сумрачный распадок, где обитал когда-то его отец. Сатиры, как медведи, живут в берлогах, но он построил хижину — все же мать его была когда-то человеком...

Капитан Бруккис был невысокого роста, но крепок, как раскидистый дуб. На могучих плечах плотно сидела квадратная голова с тяжелой челюстью, а толстые, как колбасы, пальцы запросто могли гнуть подковы.

Выслушав рассказ Конана, он с невозмутимым видом показал хозяину таверны на пустые кружки, дождался слугу с кувшином, шумно выпил и смачно причмокнул толстыми губами.

— Значит, говоришь, книга показала? — он потер гладко выбритый подбородок, украшенный двумя шрамами.

— А книгу показал Ниаматар.

— Да, я слышал о Книге Черных Врат и ее хранителе... Конечно... Но почему ты думаешь, что эта именно она? Может, тот старик... просто шарлатан? Умеет насытать морок?

— Он не шарлатан. А Книга... Я знаю, что это — она. Увидел прошлое и будущее... А старик-дервиш исчез у меня на глазах! Такое шарлатану не под силу, — Конан усмехнулся, — пусть даже умеющему насытить морок!

Бруккис в задумчивости пробарабанил пальцами Марш Наемников. Даже немузикально прогудел пару куплетов.

— И что ты думаешь делать? Если тот козлоногий колдун из твоего видения так страшен?..

— Я послал верного человека за белым колдуном. Очень хорошим. А пока нужно обеспечить княжне надежную охрану!

Лицо капитана потемнело.

— Уж не хочешь ли ты сказать, киммериец, что ее плохо охраняют?! — несколько посетителей таверны с любопытством оглянулись, ожидая ссоры двух воинов, один из которых, похоже, оскорбил другого.

— Да нет, нет... Охрана, конечно, надежная... Но ты же не будешь возражать против моей помощи?

Бруккис допил вино и, успокоившись, буркнул:

— Возражать не буду. Только не слишком попадайся ей на глаза. Я вообще-то не имею права брать людей со стороны...

— Я буду невидим, — кивнул Конан.

Капитан расхохотался, представив киммерийца, пытающегося затеряться среди охранников.

— Она заметит сразу же! — он вновь поскреб толстенными пальцами тяжелый подбородок. — Нет, придется тебе, как положено, подать прошение. Поступить на службу в отряд охраны. А я за тебя поручусь. Кстати, и жалование неплохое, и еда хорошая! По праздникам — бесплатная выпивка! А некоторые молоденькие служанки не прочь поразвлечься!

И Бруккис захотел так, что даже привычные к шуму и смеху посетители таверны взорвались на него с почтительным удивлением.

Княжна Ониксия была молода, прекрасна и по-детски наивна. Ее огромные серые глаза смотрели на мир восторженно и ласково. Ее прелестный носик знал только запахи роз и цветущих деревьев в отцовском саду. Ее нежные руки никогда не ведали тяжелой работы, от которой у женщин появляются мозоли и вздуваются вены.

Она не представляла, какие страдания приносит людям ее отец — крупнейший в Заморе работоговец. На рабов она смотрела, как на милых домашних животных и считала, что другие смотрят так же. Она знала, что провинившихся рабов иногда наказывают, но не задумывалась о жестокости и бесчеловечности этого наказания. Всего лишь небольшая порка!..

— ... И этот ничтожный раб не оценил оказанного ему великодушным хозяином доверия, в третий раз попытался бежать... — монотонно читал помощник судьи.

Бхутта уже не чувствовал боли в стянутых сыромятными ремнями руках. Вот ноги... Они еще не потеряли чувствительность и продолжали нестерпимо ныть. Какая разница?.. Все равно вскоре он будет мертв. О, эти жестокие белые! Если бы они могли испытывать жалость!.. Если бы могли... Они бы убили его быстро и безболезненно. Но нет! Им надо показать, что бывает с теми, кто пытается бежать...

Бхутта вспомнил порки после первого и второго побега. Много дней он лежал, подвывая от боли, а старая колдунья Нгана смазывала его исполосованную спину жиром барсука, убитого в полночь на заброшенном кладбище.

А теперь его ждет порка до смерти, чтобы другим рабам было неповадно бегать от своих великодушных хозяев!.. Скорее бы все кончилось! Сегодня он увидит в толпе добрые карие глаза старой колдуньи Нганы, которая так похожа на его мать... А потом придет огромный свирепый палач. Никто не знает его имени, никто не видел его лица, потому что он всегда надевает остроконечный колпак с маленькими прорезями для глаз. Два сверкающих злобным торжеством и похотью глаза! Все слышат его сладостные стоны, когда он с оттяжкой наносит очередной удар по спине раба... По спине, превратившейся в кусок окровавленного мяса... И чем громче кричит раб, тем сладостнее стонет палач. Да покарают его боги за эту мерзкую страсть! Потому что люди не могут покарать — не знают имени, не видят лица... И еще потому, что боятся... А после казни!.. Что делает он с изувеченными телами рабов — никто не знает. Он с рычанием, как дикий зверь, предвкушающий обильную трапезу или любовную игру, уносит на плече окровавленный труп... Куда, для чего?.. Лучше не думать об этом...

Они уже идут!.. Идут помощники палача. Сейчас они привяжут меня к столбу... Нет! Убирайтесь, жадные гиены! Я не пойду! Я...не... пойду!..

Его выволокли из клетки и, не обращая внимания на крики, потащили к столбу. Толпа, жадно ожидающая казни, заволновалась. Ведут! Тащат! Скоро они услышат свист кнута, увидят, как первые удары рассекают темную кожу, как лопается она, будто перезрелый плод, гниющий на солнце...

Бхутта кричал и вырывался. Ноги отказывались держать его, хотя их он еще чувствовал — руки ему связали крепче. А ноги... Кому охота носить связанного раба? Пусть идет сам... Ноги связали только для вида. Но теперь они подкосились...

Его потное от страха тело покрылось пылью. Белки вытаращенных глаз сверкали, как у молодого быка, перед глазами которого смеющийся мясник точит огромный нож. Он кричал и плакал, звал мать, выкрикивал имена богов, которым когда-то молился.

Толпа, состоявшая по большей части из ремесленного и торгового люда, из воров, бандитов, проституток и нищих с хитрыми бегающими глазами — ликовала.

Зрелище! Сейчас они будут наслаждаться Зрелищем! Уже наслаждаются! Разве не наслаждение видеть страх, отчаяние и слезы этого раба? Но еще большее удовольствие — в предвкушении кровавой порки. Они увидят, как слезает кровавыми лоскутами кожа, как обнажаются измочаленные кнутом мышцы, как брызжет во все стороны кровь!..

И только небольшая часть толпы состояла из рабов. Пригнали тех, кто не смог отговориться крайне необходимыми делами, очень важными для хозяина... и они стояли молча, опустив кудрявые головы, среди хохота, улюлюканья, веселого свиста остальных. Толпа пришла насладиться!..

Вот и палач! Огромный, с мощными волосатыми лапами. Как всегда, в остроконечном колпаке. Как ловко он умеет работать кнутом! Это великий мастер! Да когда же привяжут этого поганого негра?!

Бхутту накрепко привязали к пропитанному кровью и потом, отполированному сотнями тел столбу. Он уже не кричал, а отрешенно смотрел перед собой. Вряд ли он видел ликующую толпу, важно сидевшего на возвышении князя, своих собратьев-рабов...

Палач взмахнул кнутом. Пока только проба. Еще раз. Витой длинный кнут со свистом разрезал воздух. Пропитанный кровью предыдущих жертв, он, тем не менее, оставался достаточно гибким. А может быть, искусник-палач перед каждой казнью разминал его своими красными уродливыми руками?..

Князь подал знак. Толпа затихла. Ожидание... Предвкушение... Палач неспешно отошел на нужное расстояние. Взвесил в руке кнут. И почти не размахиваясь, нанес первый удар. Крик раба потонул в диком реве толпы. Все было так, как они и ожидали! Лопнула кожа, брызнула кровь... Еще! Еще!! Бей же, палач, бей!..

Ничего этого милая княжна никогда не видела. Она жила в своем, ласковом и упоительно счастливом мире. Ездила верхом в сопровождении охраны по шумным улицам Шадизара. Покупала в лавках богатых купцов роскошные ткани — шелк, парчу, и украшения — кольца, броши, ожерелья.

Иногда охотилась, никогда не подъезжая близко к убитому ее стрелой оленю, чтобы не видеть его глаз, в которых — она знала, несмотря на наивность — навеки застыл ужас смерти и извечный укор убийце.

Она, конечно, понимала, что на свете существуют смерть и страдания. Муки и несправедливость. Но все это было так далеко... И не с ней — с другими.

Шестнадцать раз встречала весну счастливая княжна Ониксия. И в последние два года она стала испытывать странное волнение, глядя на мужчин. Суровые воины, украшенные шрамами лица... Сверкающие отвагой глаза, сильные руки... В ее охране появился высокий могучий воин, воплощение мужественности, силы и какой-то первобытной, дикой ярости!.. И его неожиданно синие глаза, неотступно следящие за каждым ее шагом, всегда так волновали...

Когда Ихарп добрался, наконец, до пещеры, похожей на раскрытую пасть дракона, он устал так, что готов был упасть на камни и тут же уснуть. Уже ничто не волновало горшечника. Ни скользкая тропинка над пропастью, на которой он как раз и стоял, ни предстоящая встреча с великим волшебником, о которой он всегда думал с волнением, ни

воспоминания о призраках...

В первую же ночь в горах — появились призраки. Остатки волос на многострадальной голове Ихарпа встали дыбом, когда закружился вокруг него страшный хоровод полупрозрачных тел.

Вжимаясь в землю, горшечник ждал неминуемой смерти. Молился всем богам, о которых хоть что-нибудь когда-то слышал. Может, кто-то из них и помог...

Во всяком случае, призраки его не тронули, хотя и водили свой дьявольский хоровод каждую ночь. А утром не выспавшийся, усталый посланник с трудом седлал лошадь и весь день клевал носом, изредка окидывая окрестности осоловевшим взглядом.

Затем, когда пала от усталости его бедная лошадь (не забыть бы, стребовать с Конана ее стоимость), он долго полз по еле заметной тропе над пропастью, рискуя жизнью. Конечно, его друг, могучий воин Конан, как всегда щедро вознаградит его за такой риск — не забыть только рассказать поподробнее. Поведать, как страшно было смотреть в пропасть, у которой нет дна! Только клубящиеся туманы на немыслимой глубине! Да... киммериец, конечно, родился и вырос в горах... его не испугать бездонной пропастью... Но все равно — рассказать! Пусть знает, на какие мучения он, Ихарп, пошел ради друга! Пусть знает... и вознаградит!

Полумертвый от усталости горшечник присел на плоский камень перед входом в пещеру. Голова кружилась. Показалось даже, что пасть пещеры с выступающими «зубами дракона» как-то придвигнулась. Ихарп протер глаза. Действительно, пещера приближалась. Что за наваждение? Будто он едет... Горшечник вскочил с камня. Большая горная черепаха, вытянув морщинистую шею, спешла в пещеру. Ихарп почесал затылок. Может быть, у волшебника... как бишь его? Эскиламп! У волшебника Эскилампа черепахи служат вместо лошадей?

Кряхтя, охая и хромая на обе ноги, стертые до кровавых мозолей, горшечник поплелся вслед за черепахой. Из пещеры вышел чернокожий мальчик с веселыми смышенными глазами.

— Мир тебе, — почтительно сказал Ихарп.

— И тебе, — степенно ответил мальчик.

— Пусть в доме твоем всегда будет радость и достаток! — Ихарп решил не ударить в грязь лицом.

Несмотря на усталость, он все же догадался, что перед ним не сам волшебник, а его ученик. Хитрый горшечник знал, как много зависит от мнения того, кто доложит хозяину о просителе.

— И в твоем доме, почтенный, пусть всегда будет полный достаток! — мальчик с интересом смотрел на усталого, но такого учтивого путника.

— Могу ли я лицезреть великого волшебника Эскилампа? — приступил наконец к делу горшечник.

— Учителя нет... Уже три дня, как он улетел... по неотложным делам, — мальчик, казалось, был искренне огорчен, хотя в глазах его прыгали солнечные зайчики.

Ихарп стоял с осоловевшим взглядом. Вот тебе и на!

— Что же я скажу Конану? — тупо спросил он у мальчика.

— Конану? Так ты от Конана?

Ихарп кивнул. На лице его столь явно читалась растерянность, что мальчик засмеялся. Затем взял горшечника за руку и повел в пещеру.

— Меня зовут Диран. Если Конану нужна помощь, я поеду с тобой!

Ихарп растерянно посмотрел на такого уверенного в себе мальчика.

— Да... но Конан сказал привезти волшебника Эскилампа...

— Он приедет позже... Если сможет. А сейчас подкрепись и расскажи, что случилось.

Он ввел Ихарпа в просторную полутемную пещеру. Высокие своды украшали цветные сталактиты, так похожие на зубы дракона... В дальней стене — арки. За ними, как понял Ихарп, коридоры, и у каждого — свой цвет. Один коридор освещен пурпурно-красным светом. Другой — синим, третий — зеленым... Нагнув голову, горшечник вслед за мальчиком вошел в зеленый тоннель. Опять несколько коридоров. И каждый имеет свой оттенок, на сей раз зеленого цвета.

— Это мой цвет, — с гордостью сказал мальчик.

После некоторого колебания он вошел в небольшую пещеру, мягко освещенную зеленовато-бирюзовым светом. Ихарп с интересом огляделся. Прямые, хорошо обработанные, отполированные стены из зеленого камня. Малахит? Потолок тоже ровный, как в обычном каменном доме. Приятный, успокаивающий зеленый свет излучали, казалось, сами камни. Удобные кресла вокруг массивного стола из глыбы хорошо обработанного малахита. Серебряные (или золотые? — не разобрать при этом освещении) кувшины с вином, украшенные изумрудами кубки, блюда с только что поджаренным, испускающим немыслимый аромат мясом...

Если так живет ученик, то в какой же роскоши должен жить сам волшебник? Ихарп вздохнул и набросился на еду.

Через некоторое время, когда в голове приятно шумело, а желудок наполнился блаженной тяжестью, горшечник, наконец, вспомнил о цели своего прихода.

— Конан увидел что-то в какой-то книге и собирается спасти какую-то княжну! И так влюбился в нее, что отказался даже от моей красавицы-жены!

Мальчик с сомнением посмотрел на горшечника. Возможно ли, чтобы жена этого немолодого усталого ремесленника была красавицей? Ну... это дело вкуса.

— Ты упомянул о книге. Что за книга?

— Какая-то волшебная... — Ихарп размышлял над серьезным вопросом: выпить еще вина, или же это будет не совсем удобно?

— Конан ее сам видел?

— Кого?

— Книгу!

— Ну... да. Вроде бы... То есть ее показал... прямо в голове... какой-то нищий. Или дервиш. Странник, словом, — нетвердой рукой Ихарп все же подлил себе вина. — Как бишь его звали?.. Ниаматар!

— Что?! Ниаматар? — мальчик подпрыгнул и в волнении заходил по комнате, заложив руки за спину. Очевидно, так делал его учитель в минуты раздумья.

— Ниаматар, — подтвердил горшечник. — Он еще исчез потом...

— Книга Черных Врат... Любой волшебник отдаст правую руку, чтобы только раз заглянуть в нее!

Ихарп зачем-то повертел перед глазами кистью правой руки, будто решая, отдать ее или нет. Затем внимательно проследил, как ловко обхватили ее пальцы горлышко кувшина. Нет, он бы ни за что не отдал правую руку! Левую — это еще куда ни шло!

— И что же явилось Конану в книге? — прервал мальчик его размышлений.

— О, что-то страшное... Колдун с копытами вместо ступней. Да и вообще, ноги у него были вроде...

— Козлоногий?! Я слышал про него! — Дриан барсом опять прошелся по комнате.

Горшечник кивнул, после чего голова его уже не поднялась. Все же он очень устал, выполняя поручение Конана... Не забыть бы требовать с него...

* * *

Черное ночное небо над Шадизаром искрилось россыпью звезд. Казалось, каждую ночь боги разбрасывали по небосводу щедрой рукой горсти сверкающих бриллиантов. А спустя несколько часов вечно юные нимфы утренней зари камень за камнем торопливо собирали рассыпанное богатство, спеша укрыть его от огненного испепеляющего взгляда просыпающегося Митры, дарителя жизни.

Ониксия любила выходить на балкон ночью и наблюдать за алмазным мерцанием неба. Казалось, достаточно раскинуть руки, привстать на цыпочки, потянуться к звездам — и они приблизятся, окружат веселым роем, одарят невероятным, неземным блаженством.

Но огромная странная тень мелькала сегодня над городом. Проносились в воздухе сгустком черноты, закрывая звезды, вселяя ужас и наполняя могильным холодом сердца тех, кто смотрел в эту страшную ночь на небо...

* * *

— Тревога! Тревога! — кто-то орал в самое ухо Конана.

Топот кованых сапог, крики, шум, гвалт...

— Кто стоял в карауле?! Немедленно ко мне! — надрывался капитан Бруккис.

Конан уже все понял. Быстро одевшись, он вместе с другими свободными в эту ночь охранниками вышел в коридор. Солдаты охраны были расквартированы на первом этаже северного крыла роскошного княжеского дома. Южное крыло занимала прислуго. Круглосуточно охраняемая широкая парадная лестница вела на второй этаж, где располагались гости и многочисленные родственники князя. Третий этаж отводился под танцевальные и банкетные залы, игорные комнаты и будуары для отдыха. И наконец, на четвертом, последнем этаже, утопая в роскоши, жили князь, его жены и дети, в их числе и прекрасная Ониксия.

Охранялись все лестницы, этажи, все двери, все подходы к зданию, и даже у каждого фонтана в саду стоял часовой.

Охранников было так много, что произошедшее казалось немыслимым, невероятным. Исчезла юная княжна Ониксия!

* * *

— Наконец-то! О, Великий Заган, ты получишь намеченную тобой жертву! Ты даруешь мне часть своей силы! — козлоногий в исступлении плясал вокруг сложного чертежа,

нарисованного кровью младенца на шершавом полу огромной пещеры. Торчащие по стенам факелы не столько светили, сколько чадили, добавляя запах гари к ужасному смраду. А в центре чертежа без чувств лежала княжна.

Сатир остановился и, раздувая ноздри, долго смотрел на девушку мутными глазами. Хороша! Великий Заган будет доволен! Скоро, скоро он явит свой ужасный облик. И вознаградит верного слугу! А княжна пока пусть отдохнет после внезапного ночного полета. Колдун усмехнулся мокрыми толстыми губами. Еще раз, сжав ладони, посмотрел на лежащую без чувств девушку. Действительно хороша. Юна, красива, невинна.

Острое, жгучее желание вдруг огнем полыхнуло по жилам. Кровь запульсировала и бросилась в голову, тумана взор. Ну почему, почему он должен отдавать эту красавицу ужасному Загану, который, как и в прошлый раз, вероятно, явится в облике огромного быка и просто разорвет ее пополам? Который не сможет, не сумет насладиться ее юными прелестями?

Теперь глаза козлоногого колдуна полыхали огнем. Ревность к своему ужасному божеству кривила губы сатира. Отдать быку эту красавицу, даже не насладившись ее юным телом?! Тот, кто перенес ее в жертвенную пещеру — тот и должен быть первым!

Княжна слабо застонала, приходя в сознание. С трудом пошевелилась, и полы ночного халата из тончайшего кхитайского шелка разошлись, невольно открывая похотливому взору сатира недоступные простым смертным прелести.

Козлоногий замычал. Замотал головой. Нет... Нужно дождаться Великого Загана... Он не простит, если я...

Но руки, покрытые черным кудрявым волосом, уже сбрасывали с плеч плащ, срывали набедренную повязку, обнажая огромный козлиный фаллос.

Он не простит... Но ведь это я ее перенес... Она должна достаться мне!..

* * *

Ониксия пришла в себя в узкой, похожей на нору пещере. Низкие, угрожающие нависшие своды. Вход забран толстой ржавой решеткой. Где она? Как сюда попала? Неяркий переменчивый свет вперемешку с тенями метался где-то за углом, скрупульно освещая ее обнаженное, измятое, искусанное тело. Княжна с трудом приподнялась на локтях. Что с ней сделали? Она стояла чудной ночью на балконе...

Игриво подмигивали звезды, и ночная прохлада легким ветерком ласкала уставшую от дневной жары кожу. Затем... Облако? Вихрь? Тень? Огромная тень упала на нее и... Что было дальше? Почему она лежит здесь — искусанная и с саднящей болью во всем теле? Снился ужасный, чудовищный сон... Ее терзало какое-то существо, источающее удушливый козлиный смрад...

Ониксия закрыла глаза. Это просто сон... Кошмар, навеянный духотой летней ночи. С первыми лучами солнца она проснется в своей комнате, придут служанки, оденут ее, расчешут волосы и с притворным ужасом в глазах выслушают рассказ об ужасном сновидении...

Конан, морщась с досады, слушал обстоятельный рассказ Ихарпа. Полутемная, скопо обставлена комната в доме горшечника пропиталась неистребимым запахом прокисшей капусты. «Красавица» жена, посверкивая глазками, налила в кружки вино, больше напоминающее уксус и принесла черствого хлеба, с которого украдкой соскоблила плесень. А потом уютно устроилась в углу, присев на корточки и забыв, или не пожелав, одернуть юбку.

Приехавший вместо Эскилампа Дриан ошело таращился на жену горшечника и не мог связно рассказать, куда уехал его учитель и, главное, скоро ли вернется. Сам Ихарп изводил Конана деталями. Как из последних сил полз над пропастью, как пала его бедная лошадь, за которую он заплатил когда-то круглую сумму, как пугали его призраки...

Глотнув вина и стараясь не слишком кривиться, хотя челюсти сводило, Конан подвел итог:

— Когда приедет Эскиламп — неизвестно, без него мы не сможем узнать, где княжна и, следовательно, освободить ее.

— Я попытаюсь узнать, — подал голос Дриан, виновато взглянув на Конана. — Учитель рассказывал, что нужно сделать...

— Конечно, попытайся, — киммериец пригладил тяжелой ладонью кудрявые волосы мальчика. — Попытайся...

Ихарп украдкой вздохнул, взглянув на жену, все так же безмятежно сидевшую в углу.

— Я не виноват, что волшебника не оказалось на месте...

— Кром! Никто не винит ни тебя, ни Дриана! — Конан начал терять терпение.

Затем, вспомнив долгий рассказ горшечника, усмехнулся и отсчитал несколько серебряных монет. Ихарп, искоса глянув на жену, сунул деньги в карман. На лице его застыло выражение неземного блаженства.

Дриан выудил из потухшего камина уголек и, ползая по полу, начертил пентаграмму.

— Мне нужны свечи...

Жена Ихарпа, наконец, поднялась и, бросив на мужа из-под полуопущенных ресниц томный взгляд, отправилась искать свечи. Ихарп поспешил следом — помочь в поисках. Конан только рукой махнул с досады. Присел за колченогий стол, пригубил вино и схватился за челюсть. Мальчик, прислушиваясь к звукам, доносившимся из соседней комнаты, наносил на чертеж таинственные знаки.

Спустя долгое время появился раскрасневшийся Ихарп и положил на стол несколько свечей. Дриан сосредоточенно расставил их по углам пентаграммы, зажег и монотонно затянул заклинание. Свечи мигали. Конан нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Ихарп под предлогом врожденного страха перед колдовством опять ушел в соседнюю комнату. Дриан тонким голосом пел мантру. Свечи шипели и трещали. В комнате стало темнее. Казалось, в центре пентаграммы сгущается тень. Внезапный сквозняк пошевелил волосы, прошелся холодком по спине. Конан ощущал чье-то присутствие. Мальчик кого-то вызвал. Кого? Сможет ли он совладать с ним?

— Только покажи нам дорогу! — пронзительно крикнул Дриан и сделал охранительный знак. На лице его читалась тревога, граничившая с отчаянием.

Внезапно Конан понял, что знает, где находится похищенная княжна и как туда добраться. Остальное — и самое страшное — когда-то показала Книга...

— Да, готов заплатить... — простонал Дриан, — только оставь мне хоть немного...

Конан едва успел подхватить ослабевшее тело мальчика. Тень, сгустившаяся в центре

пентаграммы, исчезла. Свечи вновь горели ярко и весело.

— Он взял половину моей крови... — прошептал Дриан, теряя сознание.

Конан с Дрианом на руках вышел в соседнюю комнату, одним движением смел с лежанки Ихарпа и его «красавицу» — жену и уложил мальчика, бережно укрыв его вытертым заплатанным одеялом. Не глядя на растерянных супругов, так и оставшихся лежать на полу с раскинутыми ногами и вытаращенными глазами, бросил:

— Будете за ним ухаживать. Он потерял много крови... Выживет, но долго не сможет двигаться. А я должен найти капитана Бруккиса, если его еще не казнили!..

Колокол спустя отряд вооруженных до зубов всадников, возглавляемый Конаном и Бруккисом, спешно покинул город.

* * *

Ониксия лежала на каменном полу пещеры, но боли от впивающихся в спину острых камешков не чувствовала. Она вновь услышала топот копыт. Этот ужасный звук! Он означал, что сейчас в пещеру опять вползет ненасытный сатир, отвратительно воняющий козлом, и набросится на нее, как хищник на добычу. Да она и есть добыча... Этот хрипящий, сопящий в ухо, причиняющий боль зверь с помощью какого-то колдовства сумел похитить ее и теперь пользуется своей властью. Сколько раз она подвергалась истязанию? Не сосчитать... В голове — туман, в онемевшем теле — остатки боли.

Стук копыт приближался. Послышалось тяжелое дыхание возбужденного самца. Сейчас он отодвинет решетку и с сопением протиснется в нору... Потом, жадно подгребая под себя ее тело, брызгая вязкой слюной из вонючей пасти, войдет в нее, причиняя жгучую боль... О боги! Почему вы позволяете зверю терзать тела своих жертв? Почему вы вообще позволяете существовать злобным хищникам? Мучающим, терзающим, убивающим.

Внезапно вспомнились глаза, умирающего оленя. Это было в первый раз... В тот день, когда она поняла, что нельзя смотреть в глаза тем, кого ты убил. И страшная истина открылась молодой княжне, ожидающей в тесной пещере очередного изнасилования. Да ведь она — тоже зверь! Она — такой же хищник, убивающий беззащитных! Человек — вот самый ужасный злодей, присвоивший право лишать других жизни!

А ее отец?.. Ее заботливый, любящий отец? Разве не он устраивает на потеху толпе публичные казни?! Он не знала, не хотела, знать... Но слышала разговоры... Как лопается кожа, обнажается истерзанная плоть, затем кость — ребра, позвоночник... Как умирает в муках жертва...

Разве ее отец лучше этого сатира, который сейчас ползет к ней, снедаемый похотью? И может быть, муки, которые она испытывает, это искупление его грехов? Грехов, совершенных и совершаемых зверями в облике благонравных, всеми уважаемых горожан?

Ониксия почувствовала, мерзкое дыхание подползающего сатира. Нестерпимая козлиная вонь колючками заползала в нос, забивала, горло, мешала дышать. Или это его истекающие слюной губы уже заткнули ей рот?

И не отвернуться, не избежать его вонючей пасти — грубые руки, царапая когтями щеки, держат голову... И эта боль внизу живота!.. Эта нестерпимая боль!.. Она растекается волной по телу, током содрогания поднимается по позвоночнику, туманит голову. Заставляет глубже и порывистее дышать, вызывает стоны. Но и теплоту тоже... И какое-то новое,

щемяще-сладостное чувство! Наконец, наступает момент; когда боль превращается в наслаждение. О, как он велик и могуч, ее повелитель!.. Повелитель зверей и людей! Он дает ей могущество! Его семя прорастает в ней невероятной силой!..

И княжна, издавая сладостное рычание, царапала волосатую спину сатира отросшими острыми когтями...

* * *

Конан внезапно натянул поводья. Отряд остановился, и пыль, поднятая копытами коней, наконец, догнала всадников, окутала серым, мглистым облаком. Капитан Бруккис вопросительно глянул на огромного киммерийца, утверждавшего, что он знает, где спрятана княжна.

Конан, сжав в кулаке поводья, нахмурился. Стоит ли теперь спешить? Каким-то образом он понял, что Ониксия начала меняться. Так и показывала книга... Но он все же надеялся, вопреки всему. А теперь?.. Ехать, чтобы оторвать злобную ведьму от ее возлюбленного? Да она выцарапает глаза своим спасителям!

Невидящим взором Конан посмотрел на Бруккиса. Его казнят, если княжна не будет найдена и спасена... Что ж, они найдут ее... Вот только понравится ли теперь князю его дочь?

Киммериец хмыкнул. Может, доставить ее вместе с возлюбленным? Нет, нет... Книга показала, что он должен сделать. Еще и поэтому нужно ехать вперед... И дело тут вовсе не в княжне...

Он тронул коня, и скоро отряд, оставляя за собой клубящееся облако, вновь несся по пустынной дороге туда, где на горизонте вставали призрачные синие горы.

* * *

— Сегодня в полночь явится Великий Заган, — козлоногий мрачно уставился на княжну. — Он наметил тебя в жертву и не простит мне ослушания. Нужно бежать.

— Как скажешь, мой повелитель... — Ониксия лениво приподнялась на локте и окинула взором хижину. — Но мне здесь так нравится...

— Лучше, чем в пещере?

— Мне и в пещере с тобой было хорошо! Княжна посмотрела на сатира ярко-желтыми глазами и порывисто вздохнула.

Ноздри козлоногого колдуна затрепетали. Он долго и с видимым наслаждением смотрел на ее обнаженное тело. На спине и животе Ониксии уже кучерявилась жесткая шерсть, глаза с узкими полосками зрачков стали воистину прекрасны, а кокетливые рожки на голове выглядели такими беззащитными...

Он и не подозревал о своей способности трансформировать живые существа, даря им семя и направляя волю на желаемые изменения. Вероятно, от отца перешел к нему этот великий дар. Но как он мог о нем догадаться, если до сих пор довольствовался совокуплением с козами и шакалами?! Они сразу же убегали... Но теперь... Он захотел, чтобы голову его женщины украсили маленькие рожки — и они стали расти уже на

следующий день! Он пожелал, чтобы глаза ее стали желтыми... Он хотел, чтобы тело ее увили кудрявые волосы... Он теперь может сделать с ней все, что захочет!

О, великий Заган! Он же может вырастить из нее гиганта! Страшное существо, подвластное только ему, сокрушающее все на своем пути! Голова ее будет достигать небес, рык ее услышат в самых дальних распадках Карпашских гор. Он вырастит женщину-мстителя! И настанет день, когда он выведет ее на равнину и пойдет войной на город! И все — все! — падут перед ним на колени! Ее сила, мощь, свирепость и его колдовство!.. Никто не устоит!

Стоп! А почему бы не создать целую армию женщин-монстров? Он похитит несколько десятков девушек и изменит их по своему желанию! И настанет великий день — во главе армии великанов он двинется по земле, покоряя города, захватывая земли и создавая все новых монстров! И скоро весь мир покорно ляжет к его ногам!

Неохотно вернулся козлоногий к действительности. Скривил губы. Закряхтел. Пока нужно бежать. Спасаться от гнева мерзкого божка, которому он когда-то сдуру поклялся служить. Необходимо спрятаться где-нибудь в глубокой пещере, пережидать... И продолжать изменять женщину! С каждой порцией семени она должна расти, расти... Пусть сила ее будет неимоверной, а кожа — дубленой! Такой, чтобы не пробила ни стрела, ни копье! И пусть она любит и почтает только его — своего повелителя, своего бога, дарителя силы!

Колдун стал собираться в дорогу. Заспешил, затопал копытами по глиняному полу. Бережно уложил в мешок амулеты, свой любимый мутный шар, завернутые в тряпицы порошки, пучки высушенных трав, странные, неестественно изогнутые кости.

— Собирайся! Скоро полночь. Не увидев нас в жертвенной пещере, Заган может наведаться сюда.

— Кто такой этот Заган, и чем он так страшен? — лениво спросила Ониксия, нехотя заворачиваясь в халат.

— Это один из древних богов-демонов... Он дал мне силу, и я поклялся ему служить... — козлоногий торопливо осмотрел хижину. — Вроде, все... Пора! Мы должны на время спрятаться.

— А потом?

— Потом? Мы завоюем всю землю! Я завладею такими талисманами, что смогу помериться силами с самим Азатотом! Но вначале сокрушу Ниаматара и завладею Книгой Черных Врат!

И два странных и страшных существа вышли из полуразвалившейся хижины, чтобы уже никогда в нее не вернуться.

— Здесь! — Конан указал на темное отверстие, сливающиеся с тенями, которые окутывали гору.

Бруккис молча смотрел на вход в пещеру.

Два небольших утеса стояли по бокам, как часовые. Изломанные линии нависших скал навевали тревогу. Исчезающее за горой солнце, казалось, навсегда прощалось с людьми, дерзнувшими на закате приехать в эти дикие места. Солдаты, опытные, закаленные в боях воины, чувствовали себя детьми, забравшимися на спор ночью в заброшенный дом с

привидениями.

Двадцать всадников, пугливо озираясь, сбились в кучу, бормоча молитвы. Бруккис, осматривая окрестности, пытался понять, что же ему здесь так не нравится. Ну, да — мертвый распадок, по которому они приехали, и по которому когда-то текла речка... В былые времена веселое журчание воды звучало в этих местах. Но высохла речка... Не по сердцу здешним духам была ее песня! И навалилась, набросилась на окрестности вязкая, гнетущая тишина. Высосала жизнь из деревьев — остались только гниющие колоды да голые, мертвые ветви давно засохших великанов. Выгнала птиц, что песнями тревожили ее — сумрачную, таящуюся; разогнала зверей... Только летучие мыши, эти маленькие вампиры, тут чувствуют себя привольно — облепили окрестные скалы, мерзкими гроздьями весят у входа в пещеру. А сколько их внутри? Там, куда не заглядывает солнце, где царит вечная, вязкая, гулкая тьма?..

Тревога заметалась в глазах бесстрашного капитана. Мрачный распадок привел их к этой горе, похожей на могильный курган — на огромный, насыпанный давно исчезнувшими гигантами могильный курган. И там внутри, куда им нужно идти, лежат, верно, гниющие кости давно умерших великанов.

Мрачно, страшно вокруг! Не зря кони хрипят и волнуются. Умные животные — они чувствуют извращенную природу этого места. Они чувствуют смерть. Да, именно так! Смерть! Бруккис огромным усилием воли сдерживал крик, рвущийся изнутри, из глубин естества человека, столкнувшегося с мертвящим ужасом неестественного.

Солнце давно село, и распадок окутала душная тьма. Конан, нахмурив брови, задумчиво смотрел на черное жерло пещеры. Вспоминал видения, навеянные Книгой. Бруккис, до боли сжав челюсти, твердой рукой — пока еще твердой — сдерживал рвущегося прочь коня. Солдаты позади громко молились, некоторые читали охранительные наговоры, другие ругались, пытаясь гневом прогнать навалившийся огромной темной глыбой страха.

Даже Конан чувствовал неясную тревогу. Сама местность, мрачный, мертвый пейзаж навевали безысходную тоску и леденящий, змеей заползающий в душу ужас.

— Мы должны туда идти? — голос капитана предательски дрогнул.

— Да, — сказал Конан.

— Дождемся утра?

— Думаешь, утром там будет светлее?

— Утром будет светлее в наших душах...

Только сейчас Конан заметил, как испуганы солдаты. Как тревожно ржут лошади. Как тщетно пытается бороться со страхом его старый собутыльник — капитан Бруккис.

— Ночевать в таком месте еще хуже, чем идти в пещеру! Ты уверен, что за ночь солдаты не превратятся в испуганных мышей?

— Ты прав, киммериец! — Бруккис скрипнул зубами.

Затем откашлялся и суровым голосом отдал приказ:

— Приготовьте факелы! Мы едем в пещеру.

Цепочка всадников, понукая лошадей, въехала под темные своды. Длинный и узкий, как нора огромной змеи, тоннель уходил в самую глубь земли. Наклон был так велик, что лошади спотыкались.

— Клянусь, эта дыра ведет прямо в преисподнюю, — проворчал Бруккис, тщетно пытаясь разглядеть что-то в кромешной тьме, нехотя отступающей перед факелами.

— А назад-то выберемся? — проворчал кто-то из солдат. — Кони будут скользить...

— Выберемся, — буркнул Конан. — Если в живых останемся...

Наконец, спуск прекратился. Отряд теперь двигался по ровной поверхности. В стенах стали появляться темные провалы — небольшие пещеры; иногда был виден их конец, иногда только тьма ухмылялась солдатам из бездонной норы. И казалось, что из темноты каждого отверстия смотрят злобные желтые глаза. Конан действительно несколько раз увидел мелькнувшие в глубинах огоньки. Но были ли это фосфоресцирующие глаза чудовищ или отсветы вкраплений кварца, сказать трудно.

Бруккис, похоже, также заметил мелькание в боковых тоннелях. И тоже промолчал — ни к чему нагонять страху на и так достаточно испуганных людей.

Выбрали в большую пещеру. Стук копыт искаженным эхом отражался от дальних стен. Казалось, навстречу едет другой, гораздо больший отряд. Или стая... табун кентавров. Или...

Конан поднял руку. Солдаты остановились. Факелы чадили, тени метались по углам, ища места, где спрятаться. Нет, это не та пещера... Вперед! Отряд тронулся, и эхо вновь наполнило подземелье странными звуками.

— Как подумаю, какая над нами тяжесть... — прошептал Бруккис, — ну, если рухнет?!

— Этой пещере тысячи лет! — спокойно сказал Конан. — Уж если раньше не рухнула!..

— Ты всегда находишь ответ, киммериец! — с раздражением продолжал капитан. — Ты что же — ничего никогда не боишься?

— Бывает по-разному, — усмехнулся Конан.

— А вот сейчас? — не унимался капитан.

— Что гора рухнет — не боюсь. Другого боюсь...

Бруккис прислушался. Эхо исчезло. Под копытами коней был мелкий песок, глушивший шаги. Впереди опять тоннель. Длинный, извилистый, зловещий. Ведущий — куда? В преисподнюю? В самое пекло?

— Чего же ты боишься, Конан? Чего? — капитан тяжело, с натугой дышал. Воздух, казалось, стал тягучим и вязким, как сироп.

— Того, что ждет нас в пещере... Того, что показала Книга.

— Эта книга?! Да не приснилось ли тебе?! — Бруккис терял самообладание. — Нам нужно было бежать! Бежать в другую страну, а не лезть в недра горы, потому что так показала книга!!

Солдаты услышали истеричные нотки в голосе командира и недоуменно загомонили. А Конан неожиданно наотмашь ударил Бруккиса. Капитан покачнулся, но усидел в седле. Отряд остановился. Никто не произнес ни слова. Тишину нарушило только ржание лошадей да тяжелое, хриплое дыхание Бруккиса, медленно вынимавшего из ножен меч.

Солдаты заволновались. Ни к чему сейчасссора и схватка двух командиров. Не к месту. Не в этом мрачном подземелье затевать свару...

Простые воины признали Конана кем-то вроде атамана. Капитан Бруккис — назначенный князем начальник, Конан — молчаливо выбранный лидер, поразивший наемников не только силой и искусством владения мечом... Умение быстро оценить ситуацию, в считанные мгновения принять верное, мудрое решение, абсолютное хладнокровие в то время, когда даже опытные воины теряют голову — эти качества молодого варвара-киммерийца быстро снискали уважение солдат.

— Сейчас не время! — крикнул кто-то, и остальные согласно закивали.

Конан спокойно смотрел в яростные глаза капитана. Он не притронулся к рукояти меча, будучи уверен, что успеет выхватить оружие даже после того, как грузный Бруккис

замахнется.

— Ладно, киммериец, — капитан с трудом овладел собой. — Мы к этому вернемся позже.

Он резким движением задвинул меч в ножны.

— Вернемся, если будем живы, — усмехнулся Конан.

Напряжение спало. Кто-то из солдат отпустил сальную шутку. Другие захотели с облегчением, смехом вытесняя глубоко засевший страх. Конан хлопнул Брукиса по плечу.

— Теперь стало веселее?

— Ты думаешь, я испугался того... о чем ты говорил? — процедил капитан.

— Так мне показалось.

— Именно! Тебе показа... О боги! Что это?!

Под землей раздался гулкий, протяжный, тосклиwyй вой. Словно сотня волков сговорилась и затеяла спеть одну песню. Ржание испуганных лошадей на миг ее заглушило, но когда люди успокоили испуганных животных, они вновь услышали этот жуткий звук. Он тянулся, как нескончаемая осенняя ночь во время ночлега в поле на холодном ветру. Невыразимая смертная тоска надрывала душу, проникала в мозг, как раскаленная игла под ногти, как удар кнута по обнаженным нервам. Солдаты затыкали уши. Многие падали и с воплями катились по земле. Брукис плакал навзрыд, склонившись к шее лошади, в страхе прядавшей ушами. Конану показалось, что на плечи ему положили огромный валун. Не хватало сил держать его, такой неподъемно-тяжелый, твердый...

Пещера наполнилась воплями, рыданиями и стонами. А вой продолжал вытягивать душу, сжимать, сминать железными пальцами сердце, рвать мозг острыми крючьями ужасных звуков. Солдаты бились головами о камни, некоторые, не выдержав напряжения, бросались на мечи, надеясь в смерти найти избавление от изощренной пытки.

Звук прекратился так же внезапно, как и начался. Словно кто-то выбил рог у трубача, возвещавшего ужас и смерть. Конан с трудом пришел в себя, потряс головой, прогоняя остатки неимоверной тяжести, и огляделся. Повсюду валялись трупы солдат. Факелы, выпавшие из ослабевших рук, потухали один за другим. Кровь заливала песок, уже не впитываясь, застывала темными лужами. Лошади стояли смирно, только уши их беспрестанно шевелились, чутко улавливая малейшие посторонние звуки. Значит, вой убивал только людей! Мучил, сводил с ума и убивал.

Конан поднял несколько факелов, укрепил в расщелинах. Стало светлее. Теперь следовало осмотреть солдат. Может, кто-то еще жив... С факелом в руке, Конан одиноко бродил среди мертвцевов.

Вот лежит капитан Брукис... Остекленевшие глаза смотрят с ужасом и... укором. Из-под ребра торчит рукоять кинжала. Рука старого воина была так сильна, что клинок пробил кольчуту, как не раз пробивал кольчуги врагов в сражениях. Последний удар бывалого наемника...

Дальше окровавленные тела нескольких солдат — в нестерпимом ужасе бросились они на мечи, верно служившие им в боях. Еще дальше... Что это?! У некоторых отрублены головы! Конан до боли сжал челюсти. Они «помогали» друг другу! Воистину, безумие овладело людьми...

Тихий стон раздался в ватной тишине, поглотившей пещеру. Конан мигом обернулся. Так и есть — один жив. Лоб разбит о камень. Все ясно: былся головой и успел потерять сознание прежде, чем расколол себе череп.

— Что это было? — простонал наемник, с помощью Конана поднимаясь на ноги.

Киммериец долго молчал. Хмурясь, перевязал солдату голову.

— Плач Загана, — сказал он, наконец.

Наемник — звали его Култар — смотрел на Конана непонимающими глазами оглушенного человека.

— Книга говорила об этом... Неважно! Нам следует поскорее собраться и трогаться в путь, пока... — Конан с досадой замолчал, а солдат так и не решился спросить, что имел в виду этот могучий варвар, выстоявший против страшного воя.

Пошатываясь, Култар таращился в темноту, словно увидел там нечто занятное.

— У меня в глазах до сих пор искры пляшут... — объявил он, наконец.

Конан встряхнул его и сурово глянул в глаза.

— Выбери двух лошадей, они повезут поклажу. Остальных направь обратно, я думаю, они найдут дорогу домой... Поторапливайся!

Солдат побежал к животным. Сам Конан собрал запасы пищи и воды, связал в охапку запасные факелы. С грустью посмотрел на погибших товарищей. Нет времени их похоронить... Нужно спешить. Нужно успеть к этому богу-демону, пока он опять не «заплакал»... К Загану! Так было сказано в книге.

* * *

Козлоногий ящерицей вполз в расщелину, совершенно незаметную со стороны. Миг — и его копыта скрылись в темном отверстии. Ониксия с трудом протиснула между камней свое ставшее таким большим тело.

— Скоро эта нора расширится... — хрипел колдун, — я знаю... бывал здесь раньше... в конце будет уютная пещера...

Ониксия была готова жить где угодно, лишь бы повелитель дарил ей любовь и ласку. Пусть в пещере. Она ползла за сатиром, и ноздри ее трепетали, улавливая такой родной, такой восхитительный, чарующий звериный запах. Она, конечно, помнила, как ненавидела это запах раньше. Смешно и глупо! Она была просто дурочкой! Боялась смотреть в глаза убитым оленям... Не хотела ничего знать о расправах и казнях, которые вершил ее отец... Глупышка! Нет ничего более упоительного, чем застывший ужас и смертная тоска в глазах убитого тобой существа! Нет большего наслаждения, чем причинение нестерпимой боли другому!

— Я произнесу охранительные заклинания, и нас никто не найдет, — колдун забормотал непонятные слова на странном, чужом языке.

Он уже вполз в пещеру и теперь заботился о безопасности. Как умен, как могуч и велик ее повелитель! Как хорошо он пахнет! Как сильно он ее любит! Какое наслаждение дарит! Ониксия осмотрела пещеру. Вполне хватит места для бесконечных любовных утех! Здесь, глубоко под землей, она будет наслаждаться ласками господина. Но... ведь самое большое наслаждение — причинять боль другим...

Она вдруг представила, как кричит ее возлюбленный!.. Как мечется он, не зная, куда деваться от ужасной нестерпимой боли!.. А она — такая большая теперь, такая сильная!.. Она может получить от него, своего повелителя, это чарующее наслаждение... Но не сейчас. Может быть, потом...

Конан и Култар спешили извилистыми ходами к Жертвенной пещере. Несмотря на то, что недра горы представляли собой настоящий лабиринт, Конан легко находил нужное направление. Книга и Ниаматар вели его. Бесконечные подземные залы, большие и малые пещеры, переходы, норы, ответвления — и, наконец, Конан остановился перед грубо обработанной аркой.

Подобие колонн, полустертые лики древних богов, драконы с обломанными крыльями — неизвестный первобытный скульптор не был большим мастером. Или, может быть, в те времена не придавали особого значения реалистичности изображений. Как бы там ни было, но Конан знал, что стоит на пороге той самой пещеры, где находится алтарь, обагренный кровью бесчисленных жертв. Где ожидает его ужасное божество.

— Коней лучше оставить здесь, — Конан спешился и на всякий случай стреножил лошадь. Подождал, пока то же сделает испуганный Култар. Кивнул ему на запасные факелы. В пещеру идти не хотелось.

Култар с перевязанной головой походил на уроженца далекого Иранистана. Повязка напоминала столь любимую южанами чалму.

Конан с мрачной задумчивостью посмотрел на солдата. Худощавый, но крепкий, глаза темные и как будто немного раскосые... Борода черная. Наверное, действительно южанин... Нет времени расспрашивать... Да и не стоит.

Киммериец давно понял, что лучше не расспрашивать товарищей о детях и женах, о родных местах... Да и самому не делиться сокровенным. Увы — такова жизнь. Друзей лучше не заводить — слишком тяжело их терять.

Конан вздохнул, вспомнив Хепата.

Нет, лучше никого не подпускать к себе близко... Сегодня друг жив, а завтра — нет. Зачем взваливать на себя такую тяжесть? Лучше быть одному. Так что он не будет расспрашивать Култара о его родине. Пусть он останется просто солдатом, наемником. Временным спутником.

Тут Конану пришло в голову, что Култар не обязан лезть за ним в пасть к этому богудемону, который, вероятно, ждет сейчас в пещере. Похоже, что служба охранников княжны закончилась с гибелью их отряда и капитана.

Южанин стоял перед Конаном, как перед начальником, ожидая распоряжений. А ведь они оба — просто солдаты охраны, наемники...

— Култар, — сказал Конан, — ты можешь вернуться назад. Мне сдается, что твоя служба у князя кончена...

Солдат молчал. Конан посмотрел на драконов с обломанными крыльями, почесал подбородок.

— Княжну мы не спасем, это я знаю точно. Ее уже не спасти. У меня теперь другое задание...

— Какое? — в темных глазах южанина ничего нельзя было прочесть.

— То, которое дал мне Ниаматар, и показала Книга. Моя служба в охране тоже закончилась, как и твоя. Так что ты свободен.

Солдат по-прежнему молчал. Конан подумал, что Култар может счастье, будто его прогоняют.

— Я тебя не гоню, — уточнил он. — Можешь идти со мной. Я просто хочу сказать, что ты свободен в выборе.

— Я пойду с тобой, — ровным голосом: сказал Култар.

— Хорошо, — кивнул Конан, — но потом не жалуйся.

Медлить дальше было невозможно. Бог-демон не любит ждать... Конан повернулся и решительно зашагал к арке. Позади слышалось дыхание Култара.

Жертвенная пещера оказалась ничем не лучше других. Те же сталактиты, такие же валуны, разбросанные там и тут, высокий, неровный свод... Только посредине возвышался плоский камень, уложенный на высокий постамент. К нему вели грубые ступеньки, по которым, наверное, жрецы восходили к алтарю, ведя за собой связанную красавицу, приносимую в жертву...

«Собственно, почему именно красавицу? — подумал Конан. — Почему во всех легендах и сказаниях в жертву приносят именно красавиц? Почему бы не принести в жертву самую уродливую, самую безобразную девицу, или, еще лучше, старуху? Вообще-то, божеству положено самое лучшее, — продолжал он размышлять, приближаясь к алтарю, — наверное, поэтому и жертвовали красавицами...»

И вдруг всей кожей, всем существом Конан ощущил присутствие зла. Только что пещера казалась пустой, даже заброшенной. Миг — и страшное, могучее, до боли чужое существо царит в ней, одним своим существованием вселяя в смертных невыразимый, ни с чем несравнимый ужас. Киммериец остановился недалеко от основания постамента. Чуть позади замер, тяжело дыша, Култар.

Туманное облако клубилось на жертвенном: камне. Менялось, корчилось, уплотнялось в некое подобие человеческой фигуры.

И таким ужасом веяло от этого сгустка дыма, что Конан невольно опустил голову. Лучше не видеть появление Загана — одного из Властителей Древности, о котором предупреждала его Книга. Ужасный лик с золотой короной на голове мелькнул тогда перед глазами Конана — навеянный Книгой и силой Ниаматара. Теперь же предстояло воочию лицезреть жуткого бога и более того — попытаться с ним договориться.

— Где мой слуга? Где женщина, выбранная мной в жертву? — от звуков голоса Загана,казалось, сотрясались своды пещеры.

Конан поднял голову. На алтаре высилось существо, внешне напоминающее человека. Пурпурная царская мантия, переливаясь, ниспадала на бурую поверхность жертвенного камня. Пальцы с холеными ногтями были унизаны перстнями, и каждый перстень стоил целого королевства. На курчавой голове покоялась золотая корона, украшенная драгоценными камнями небывалой величины.

Плавно ступая, Заган величаво сошел по ступенькам и остановился в двух шагах от Конана. Повеяло могильным холодом, будто приоткрыли дверь в старый склеп. Немигающими глазами царь посмотрел на Култара, и тот рухнул, как марионетка, у которой внезапно перерезали все нити. Сам Конан держался: из последних сил... Казалось, бог-демон своим присутствием вытягивает тепло из тела, выпивает кровь, отбирает жизнь.

— Я жду ответа, — на сей раз голос Загана был вполне человеческим.

Конан внезапно понял, отчего вид этого существа так ужасен. В лице демона — на первый взгляд, обычном — было нечто, отличающее его от людских лиц. Несоответствие. Несовпадение. Будто кто-то содрал кожу с давно умершего человека и надел на себя. А под кожей — шевелятся, ползают, пытаются выбраться черви. И всё — все размеры, пропорции

— нарушены.

— О, великий Заган, — заговорил Конан, пересилив себя. — Твой слуга предал тебя! Он захватил женщину, намеченную тобой в жертву, но не отдал ее тебе. Он сделал ее любовницей, хочет вырастить из нее монстра и бросить вызов богам.

Немигающим змеиным взглядом Заган впился в самую душу Конана. Зрачки его — бездонные черные дыры — заслонили мир. Или это потемнело в глазах?

— Я вижу, смертный, что тебя послал Ниаматар! Когда-нибудь мы разделаемся с этим глупцом, считающим себя стражем Врат! Когда-нибудь!..

Конан держался из последних сил... Ужасная, непреодолимая сила тянула его к земле; Хотелось лечь на камни и, наконец, отдохнуть. Уснуть. Забыться и не видеть, не слышать, не знать...

— Помоги мне найти козлоногого, — прохрипел киммериец, падая на колени. Не было сил стоять... Но возможно, бог понял ЭТО как проявление покорности, как жест преклонения.

— Хорошо. Ты будешь знать, где он. Этот неблагодарный раб решил спрятаться!.. От меня! — в пещере раздался хохот, и сверху посыпались небольшие камни.

И уже теряя сознание, Конан услышал:

— Он должен умереть на этом алтаре! На сей раз он сам будет жертвой...

Ничто, казалось, в этот вечер не сулило беды. На Шадизар опускалась благословенная ночь. Еще один суетливый знайный день канул в лету. Благостный сон надвигался на землю — спокойный и глубокий. Спит, сладко причмокивая, толстый купец в объятиях любимой жены, устало раскинулся ремесленник, наскоро насладившись жилистым телом немолодой супруги, сопит во сне хлебопашец, богатырски хрюпит воин, хлебнувший доброго вина. Спит трудовой и послушный закону народ славного города. Не слышит тяжкой поступи надвигающейся беды.

А если бы и услышал? Разве сумел бы ее остановить? Ведь были и те, кто услышал. Кто не спал... лихие люди: воры, грабители — слышали.

Проститутки с горячими, измятыми телами не спали — слышали. Солдаты — те, что несли вахту на стенах города — слышали первыми...

Грохот далекого обвала... Тяжелые удары, будто камнем по камню, только камни эти, должно быть, были не меньше утеса... Громоподобный смех, доносящийся откуда-то из-под самых небес... Приближение ужасной беды.

Когда Конан с Култаром выбрались из пещеры, на небе сияло солнце. И таким оно показалось ослепительным, таким животворящим после темноты подземелий, что, проехав совсем немного, Конан объявил привал. Остановились на опушке хвойного леса, зеленой шерстью покрывающего небольшую сопку. Пустили пастьись изголодавшихся в пещере лошадей. Сами не спеша закусили, затем со вздохом облегчения растянулись на траве.

— Кто это был, в пещере?

Култар никак не мог подавить нервную дрожь. Руки, чтобы трясущиеся ладони его не выдали, пришлось закинуть за голову.

Конан промолчал. Казалось, он заснул, подставив лицо солнцу.

— Я помню только ужас... — продолжал солдат. — А когда очнулся — ты нес меня, как мешок с мукой.

— Хочешь совет? — Конан говорил сонным голосом, не открывая глаз. — Поезжай в Аквилонию, наймись там в охрану и забудь о том, что ты видел.

— Почему именно в Аквилонию?

— Хорошая страна... — Конан замолк, и вскоре дыхание его стало спокойным и ровным.

Ужаснувшись, как может этот гигант спать после всего пережитого, Култар закрыл глаза и долго лежал, пытаясь вспомнить жуткий облик подземного царя. Но образ почему-то исчезал, расплывался, дрожал, как отражение в пруду. В конце концов, заснул и Култар.

Следующие несколько дней Конан был хмур и молчалив. Он почти не давал отдохна лошадям. Култар ни о чем не спрашивал, хотя множество вопросов вертелось у него на языке. Они скакали к Шадизару. Торопились так, будто от этого зависела судьба мира.

Вскоре им стали встречаться беженцы. Вначале отдельные семьи, затем небольшие караваны. Шадизар разрушен! Бегите, если можете! Другие говорили, что разрушены только стены и некоторые дворцы, в том числе дворец князя-работоторговца. Сам князь убит — раздавлен огромными лапами чудовища...

Те, кто был расположен поговорить, подробно рассказывали о нападении на город невероятной величины монстра, сходного видом с человеком, с женщиной... Она, шутя, сокрушила городские стены и, сея смерть и разрушение, двинулась по улицам города, явно направляясь к центру. На ее чудовищной голове, держась за рога, сидел странного вида человек или, скорее, сатир и указывал направление, отдавал приказы...

Кто-то рассказал, что сатир будто бы предъявил требования самому правителью города, а также всем богатым купцам и вельможам.

Никто не мог толком рассказать, чего же требовал козлоногий. Одни говорили — власти над городом, другие — богатство. Все должны отдать три четверти своих богатств — принести их во дворец, где он решит поселиться... Кто-то утверждал, что сатир затребовал тридцать самых красивых девушек города для плотских утех, кто-то спорил — не тридцать, а триста! А, кроме того, население обязано было кормить его огромную жену, которой ежедневно требовалось несколько быков или десятка два баранов.

— Где же войско? — спрашивал Конан.

— Наёмники разбежались, как только увидели гигантскую рогатую женщину, прочие пытались обстреливать ее из луков, но были тут же растоптаны. Да и не могли стрелы: пробить ее шкуру!..

— Что мы будем делать в городе? — спрашивал Култар.

— То, что показала мне Книга.

— Надеюсь, она показала, как одолеть это чудовищное создание... — бормотал солдат, не рассчитывая на откровение товарища.

К Шадизару подъехали на закате. Полуразрушенный город медленно погружался во тьму. В нескольких местах тянулись к небу дымные столбы пожаров. Одни здания были разрушены до основания, другие — только до половины. У некоторых были просто сорваны крыши.

Люди, кто не успел или не захотел бежать, попрятались в норы — в погреба, в чуланы, в сараи. Зловещая тишина стояла над городом.

Конан и Култар, оставив коней в ближайшей роще, бесшумно пробирались к кварталу ремесленников. Петляя по знакомым улочкам, они, наконец, вышли к хижине Ихарпа,

Горшечник встретил их, приложив палец к губам,

— Тс-с, спит...

— Кто именно?

— Оба! Дриану стало гораздо лучше. Жена его каждый вечер укачивает... А я сижу тут, в соседней комнате...

Конан снял плащ, отстегнул пояс с мечом и присел на шаткую скамью,

— Что творится в городе? Беженцы рассказывали разные ужасы...

Ихарп принес вина и хлеба, жестом пригласил, к столу Култара.

— Появилась чудовищная баба. На голове у нее сидит сатир и показывает, что и где разрушить. Стрелы ее не берут, а в него попасть не могут — слишком высоко. Поразвалила она тут кучу дворцов... Да и ладно! Нас-то простых, не трогает!

— Тронет и вас, если её не остановить! — Конан мрачно глянул на рассказчика...

— Само собой! Доберется и до нас. Так вот. Они требуют... много чего. И денег, и баб побольше, и чтобы власть...

— Знаю. Слышал.

— Ну и... все. Пока сидим, ждем, что будет.

Култар выпил вина, зажмурился, скривился и пробормотал:

— Что будем делать, командир?

— Спать, — бросил Конан.

Ихарп засуетился и принес охапку старых драных одеял, расстелил их на полу у стены.

Наутро город казался все таким же безлюдным. Редкие прохожие торопливо перебегали от дома к дому. Конан и Култар, не прячась, но и не особенно высовываясь, направились к центру. Многие дома оказались покинутыми, многие были разрушены.

— Вон она! — воскликнул Култар, указывая на восток.

В свете солнечных лучей, выше самого высокого дворцового шпиля, стояла уродливая волосатая женщина. Прищурившись и заслонившись рукой от солнца, Конан разглядел на ее голове маленькое вертлявое существо с козлиными ногами.

— Мы действительно нашли ее в Шадизаре, — пробормотал Конан, — как и говорил Заган.

— Жаль, что он не сказал, как с ней справиться, — прошептал Култар.

— Почему? Он сказал... И Книга показала, в общем, то же... Только сделать это будет непросто.

Огромная женщина нагнулась и подняла что-то с земли. Конан увидел у нее в кулаке вельможу в роскошном одеянии. Ониксия поднесла его к глазам и, казалось, внимательно рассматривала. Вельможа отчаянно жестикулировал, кричал и пытался кланяться.

— Где девушки для моего господина?! — донес ветер хриплый голос женщины. — Где золото, серебро, камни?!

Сатир на ее голове приплясывал от негодования. Затем резко махнул рукой и что-то крикнул. Ониксия медленно поднесла зажатого в кулаке человека к пасти и откусила ему голову. Затем присосалась к обезглавленному телу, как девочка к сладкому леденцу, и долго пила кровь. После тщательно разжевала обескровленную плоть и съела вместе с одеждой.

Конан только крякнул. Прячась в тени домов, двинулся дальше. Култар бормотал что-то неодобрительное, но шел следом. Скоро они подошли достаточно близко, чтобы слышать визгливый голос сатира. Выкрикивая страшные проклятия, он требовал золота и девушек. Срок дал до вечера. Если к ночи у него не будет требуемого, его жена начнет разрушать город!

Вельможи, робко стоявшие на площади, поклонились и отправились восьсяи.

— Ихарп пошел договариваться с оружейниками, — шепнул Конан Култару, хотя и не собирался посвящать солдата в свои планы, полагая, что тот вскоре сбежит.

Однако Култар тенью следовал за киммерийцем, решив, вероятно, что этот начальник будет лучше, нежели покойный Бруккис.

— Оружейники сегодня изготавляют большой арбалет, — продолжал Конан. — Вечером мы должны будем отвлечь женщину...

— Вряд ли ее убьешь с первого раза, — протянул Култар, глядя на гигантскую волосатую фигуру.

— А потом, — невозмутимо продолжал Конан, — мы захватим козлоногого и привезем его в пещеру.

Вернувшись в хижину Ихарпа, Конан и Култар пообедали тем, что послали в этот день боги, и выставила на стол жена горшечника. Дриан, хотя и был бледным, выглядел вполне здоровым.

— Жаль, что тебе пришлось понапрасну отдать кровь, — вздохнул Конан. — Я ведь знал, что княжну не спасти... Книга это показывала.

— Ты должен был попробовать, — рассудительно сказал мальчик. — А я теперь буду осторожнее, вызывая демонов.

Пришел Ихарп. Хмурился, пытаясь придать лицу серьезное и таинственное выражение.

— К вечеру все будет сделано. Арбалет отвезут на площадь, завалив бараньими тушами. Стрела будет окована железом и отравлена! Если даже эту бабу не убьют сразу — сдохнет потом!

Конан молча барабанил пальцами по столу.

— Одно плохо... — горшечник замялся. — Никто не соглашается ехать на площадь... Кто-то ведь должен управлять лошадью... и спустить тетиву...

— Нацелиться и выстрелить смогу я, — сказал Култар. — Нужно только переодеться крестьянином.

— Хорошо, — кивнул Конан. — Я буду поблизости и отвлеку ее в нужный момент.

— Арбалет лучше везти не на лошади, а на быках, — добавил Дриан. — Лошадь может испугаться... А быкам — все напочем! Но им нужен погонщик. Лучше меня не найти!

— Только не забудь убежать после того, как пригонишь быков! А дальше уж наша забота.

К вечеру все было готово. Пара спокойных быков, погоняемых чернокожим мальчиком, неспешно тащила телегу, доверху нагруженную бараньими тушами. Угрюмый крестьянин восточного вида чинно восседал на повозке.

На площади уже стояли вельможи и ожесточенно спорили, обвиняя друг друга в сокрытии части драгоценностей, принесенных в дар козлоногому. Огромная женщина пожирала заранее приготовленную тушу быка. Сатир рассеянно наблюдал, как рабы приносят все новые сундуки с серебром. Повозка, запряженная двумя быками, ни у кого не вызвала удивления. Мальчик-погонщик остановил телегу и неспешно отошел в сторону. Крестьянин отбросил несколько бараньих туш и стал возиться с каким-то механизмом, установленным на телеге...

И тут Ониксия увидела острие стрелы, направленной ей в сердце. Козлоногий, также почувствовав неладное, что-то закричал, указывая на Култара. Вельможи, ничего не поняв, на всякий случай бросились врассыпную. Конан с обнаженным мечом зашел со спины женщины-чудовища, приготовившись к атаке.

Все это произошло в одно мгновение. В следующий момент Култар ударом меча перерубил веревку, удерживающую тетиву арбалета, и огромная, как оглобля, стрела устремилась к сердцу женщины. Но Ониксия как раз нагнулась, протягивая чудовищную руку к повозке, и стрела всего лишь оцарапала ей плечо. Оставалась надежда на яд, но когда еще он подействует...

Конан со всего маху рубанул по сухожилию женщины — чуть выше пятки. Ониксия взревела и обернулась. У Култара появилась возможность унести ноги, что он и сделал незамедлительно.

Из развалин соседнего здания по команде Ихарпа (хотя нужды в команде и не было) выбежали лучники исыпали женщину тучей стрел. Наконечники также были отравлены, и хотя большинство стрел отскочили, как от камня, все же некоторые смогли слегка оцарапать шкуру чудовища.

Конан в этот момент уворачивался от огромных ступней — женщина-монстр старалась раздавить одного из своих бывших охранников, даже не вспомнив, что когда-то смотрела на него с восхищением! И вдруг... Козлоногий не смог удержаться на голове жены, сорвался и грохнулся наземь.

Увидев распростертое тело повелителя, женщина застонала, горестно воздев руки; потом, опустившись на колено, осторожно тронула колдуна пальцем. Не обращая больше внимания ни на Конана, ни на текущую из раны кровь, Ониксия рыдала над телом козлоногого.

Стрелки в смущении опустили луки. Женщина вдруг зашаталась, тяжело оперлась рукой о землю, медленно обвела, площадь помутневшим взором и опустилась рядом с телом возлюбленного. Из последних сил свернулась она клубком, как собака возле умершего хозяина, и закрыла глаза. Некоторое время она еще дышала — тяжело, с надсадой и хрипами, а затем грудь ее застыла, и огромное тело расслабилось.

Дриан плакал, наблюдая, как умирает огромная женщина рядом с телом любимого. Култар — и тот тайком вытер глаза. Даже Конан чувствовал странное смущение, словно он сделал что-то такое, чего делать не стоило бы... И только вельможи гомонили, второпях разбирая свои сокровища.

* * *

— Значит, бог-демон так и не получил свою жертву, — подвел итог Дриан.

Мгновением раньше Конан подробно рассказал историю похода в жертвенную пещеру и встречи с Заганом.

— Не получил... И мы не знаем, что теперь может случиться, — Конан хмуро посмотрел на жену горшечника, которая опять принесла то же прокисшее вино.

— Может, надо... — начал Ихарп, — опять съездить к Эскилампу? Уж он-то знает, что к чему... Что-нибудь посоветует...

— Я ему все расскажу, — перебил Дриан. — Если дело серьезное, он сам приедет!

Култар посыпал хлеб солью, собрался с духом и залпом выпил кружку вина.

— Что дело серьезное, — просипел он, перекосившись, — мы и так знаем... Этот древний бог, не получив жертву, начнет мстить.

Раздался далекий удар грома. За ним второй.

— С гор, наверное, идет гроза, — обронил Ихарп и вдруг испуганно уставился на Конана. В комнате повисла тишина.

— Это просто гроза! — Конан поморщился.

Дриан выскочил на улицу и вернулся обеспокоенный.

— Молнии бьют непрерывно!

Култар налил еще вина. Как истинный наемник, он не мог воздерживаться, когда на столе стоял целый кувшин. Все хмуро проследили за процессом наполнения кружки. Отчетливо слышалось характерное бульканье.

Ихарп откашлялся.

— В это время грозы не так уж часты... И они никогда не приходят со стороны гор...

— Не будем умирать раньше времени! — Конан хотел было тоже налить вина, но вовремя вспомнил перекошенную физиономию Култара.

— Ну а хранитель книги? Как его? Ниаматар? — горшечник с надеждой смотрел то на Конана, то на свою жену. — Может, он подсобит, если что?..

Киммериец пожал широченными плечами.

— Ты ведь все сделал, как было надо? — не унимался Ихарп.

— Книга показала, что если не убить козлоногого, он захватит мир... Наделает целую армию женщин-монстров. Мир мы спасли. А до нас богам вряд ли есть дело!

Култар с готовностью кивнул.

— Богам главное — равновесие. А не жизни нескольких человек...

Ихарп с уважением посмотрел на южанина, изрекающего такие мудрые слова.

— Так мне говорил на родине один старый мудрый человек, — пояснил Култар, наливая еще вина.

Дриан снова выскочил за дверь. Грохотало непрерывно. Вернувшись, мальчик внимательно посмотрел на Конана и тихо сказал:

— Гроза приближается.